

# Аня ОКОЛ

ЗАОКОВО  
Село  
С. ЮКОВО  
БЕЗОВО

На неведомых тропинках

ШАГ  
В ТЕМНОТУ

## Annotation

Сколько попаданцев кругом. И все, конечно, невольные.

Никто не мечтал провалиться в черную нору и огрести приключений. Всех закинули без спроса.

Хоть один из них оглянулся на оставленных родных?

НЕТ!

Впереди ждут драконы и принцы, а родители — это скучно.

Я предлагаю оглянуться. Всего один раз.

---

---

**Аня Сокол**

**На неведомых тропинках. Шаг в темноту**

Парень был молод. И напуган. Его выдавали ломаные дерганые движения, от чего русая макушка то и дело мелькала среди листвы. Кусты у дороги не лучшее укрытие. Сомневаюсь, что в нашей тили-мили-тряндии вообще существует такое понятие. Во всяком случае, не для человека. Не для постороннего человека. Парень невероятно везуч, раз его не закогтил никто из местных.

Удивиться, покачать головой и пойти своей дорогой, благо до дома пара шагов, было бы самым разумным. Правда, это могло выйти мне боком, когда кому-нибудь придет в голову выяснить, как сюда попал человек. Конечно, этим озаботятся уже после его безвременной кончины и спросить непосредственного участника не получится, а потому... потому будут искать того, кто привел его. Сидит парень напротив моего дома, так что за выводами далеко ходить не надо, да и не будут. Не то чтобы сюда нельзя привести гостя, можно, особенно в качестве главного блюда или же ненадолго и под личную ответственность. Чего нельзя, так это оставлять его после этого в живых, особенно если он сам нашел дорогу по стежке. Такое не простят. А я и без того не на хорошем счету.

Я свернула под тень деревьев метров за пять до укрытия «гостя». Парень даже по сторонам не смотрел, до того сосредоточился взглядом на моей двери. Я тоже взглянула. Вроде ничего с утра не изменилось, обычный прямоугольник, отделанный когда-то светлыми, а теперь уже потемневшими от времени рейками. Хотелось напеть: «Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом...» Как хорошо, что я живу на окраине, и лес подступает почти вплотную к огибающей деревню дороге. Через село этот путешественник и пары шагов бы не сделал, но вечно такое везение продолжаться не будет. За мной вполглаза, но приглядывали, во избежание, так сказать.

Ходок по лесу из меня еще тот, но то ли за последние пару лет мои умения изменились в лучшую сторону, то ли парень настолько сосредоточился, что забыл о самосохранении. Я бы на его месте от каждого шороха вздрагивала. Ну при условии, что знала, куда и к кому меня занесло. Этот либо не знал, и оттого питал напрасные надежды, либо был дураком, такие чаще всего в желудках местных оседают.

Он мог закричать, просто так, от неожиданности, когда я вышла из-за ближайшего ствола, и его шансы на выживание с призрачных уменьшились бы до нуля. Но парень всего лишь всхлипнул, ну и подпрыгнул, лицом живо напомнив мультперсонажа с выпученными глазами.

Я схватила его за руку и в два шага вытащила на дорогу, дом рядом, возможно, все еще обойдется. Справедливости ради надо сказать, что тащила я его только потому, что он разрешал или слишком растерялся. Парень был выше меня, что не так уж и сложно при моих ста шестидесяти, а вот телосложением напоминал кузнечика. Тот пограничный возраст, когда еще на тебя не засматриваются ни девушки, ни женщины, ибо слишком юн для любовника. Лет семнадцать, костей больше, чем мышц, и гонор взрослого. И тем не менее, если бы он решил вырваться, я бы не удержала.

До дома я его все-таки дотащила и даже успела впихнуть в прихожую, когда он независимо дернул плечом, высвобождаясь из пальцев. Я задвинула щеколду. Это, конечно,

не поможет, если кто-то захочет войти, но действует успокаивающе. Я прошла в комнату и бросила рюкзак на диван. Первая комната у меня одна сплошная кухня — гостиная — библиотека, три в одном. Парень потоптался в прихожей и пошел следом. И все это без единого вопроса. Я бы давно выставила вперед крестик и судорожно вспоминала молитвы. Кстати, так и было — не вспомнила ни одной. Мальчишка держался не в пример лучше. Хотя вопрос о его уме оставался открытым.

Первое, что сделал парень, это протянул белый конверт. Без слов, одним требовательным жестом. Времена, когда я хватала все что ни попадя, давно прошли. А потому я сложила руки на груди и уставилась на гостя.

— Это... хм, — мальчишка прокашлялся и ломким срывающимся голосом сказал, — это вам.

— Уверен? — Я не скрывала иронии.

— Да. Ты Лесина Ольга. — Парень ни на миг не усомнился.

Чего не случается в нашей тили-мили-тряндии, но мое лицо на плакатах «их разыскивает...» еще не светило. Вроде бы.

Я взяла конверт. Давно никто не писал мне, а теперь уж и некому. Те, кто еще жив, и думать забыли об Ольге Лесиной.

Оказалось не все. Я пробежала глазами первые строки, выругалась и посмотрела на парня.

— Ты кто?

— Олег Миров, — он пожал плечами, — меня бабушка послала...

Вот и все. Прочти письмо кто другой, и парень подписал бы себе приговор. Не то чтобы местным нужен повод, но чтобы так самому себя предлагать...

— Читал? — подняла я белый прямоугольник.

— Нет, — надо же сколько презрения на лице, а вот если бы проявил любопытство, глядишь, и не сунулся бы туда, где шанс преставиться попадаетеся на каждом углу, если не чаще. Автор письма это знал и не предполагал, что парень вернется. Вернее, не предполагала.

Я снова стала читать. Святые! Что же ты творишь, Маринка?

— Как ты меня нашел? — спросила я, сминая в руке письмо.

— Бабка адрес дала, правда, я сперва заплутал, — он отвернулся, — но тут как раз ты проехала на своей красненькой, увязался следом. Ты никогда не оглядываешься. — Парень постарался презрительно ухмыльнуться, молодое лицо с первым жалким пушком, которому так не шло взрослое выражение, скривилось.

Все еще хуже: парень успел побывать и в верхнем заброшенном селе, и здесь. Мальчишка действительно везуч, если смог пробраться сюда, не привлекая внимания никого из местных. Не увидел ничего такого, от чего с криками сбежал бы и постарался забыть о нашей деревушке на веки вечные, мучился кошмарами, пока не убедил бы себя, что всего этого не было, что возвращалось бы плохими и мучительными снами, навсегда отбивая желание ходить по стежкам.

— На чем приехал? — От ответа на вопрос зависели все дальнейшие действия.

От города до нашего глухого угла километров двадцать, половину из них можно проехать на рейсовом автобусе, остальное — или на своих двоих, или на машине. Если этот дурак притащил с собой кого-то еще, постарше и с правами, можно уже никуда не ходить, а сидеть на попе ровно и ждать гостей.

— На велике, — ответил он.

Я выдохнула. Все еще оставался шанс спасти парня.

— Так что мне сказать бабушке? — спросил мальчишка.

Ответом ему стал стук в дверь. Вернее, это я знала, что это стук, причем вежливый, а что подумал парень, когда от ударов затрещал косяк, я не знаю, лишь в очередной раз дернулся.

Притворятся, что никого нет дома, бесполезно — местные ориентируются по запаху. След отчетливо говорил визитеру, что мы вошли в эту дверь несколькими минутами ранее. Я сунула скомканное письмо в карман джинсов. Надо бы, конечно, сжечь, но если дойдет до выяснений и спрашивать будут всерьез, мы расскажем все, еще и умолять будем, чтобы выслушали.

Я подала мальчишке знак молчать и пошла открывать. Стук тотчас прекратился. Тот, кто стоял по ту сторону, все слышал.

Сделав равнодушное лицо, я дернула засов и кисло поздоровалась:

— Привет, Тём.

— И тебе того же, — высокий и массивный мужчина без лишних слов отодвинул меня и прошел в дом. Скрывать гостя не имело смысла, как и вставать на пути или возмущаться — попросту не заметит.

Тём. В привычном мире Артем Коломин, вроде бы спортсмен. Я не уточняла, мне хватает своих трудностей, чтобы вносить разнообразие в серые будни сведениями о жизни ветра — охотника.

— У тебя гости, — сказал Тём и улыбнулся.

Гость побледнел и попятился. Ну наконец-то пробрало. Парень и раньше поглядывал вокруг с опаской, но как-то вяленько, без паники. Так опасаются охранника в супермаркете, положив за пазуху кулек конфет: если поймает, будет стыдно, неприятно, но не смертельно. В нашей тили-мили-трянди все наоборот. Это понимаешь быстро, особенно когда видишь в шаге от себя улыбку и гораздо более острые зубы, чем положено человеку. Охотник — это мертвые серые глаза, бесцветные волосы, лицо без возраста и без выражения. Производит впечатление. А через минуту понимаешь, что внешность не самая запоминающаяся его черта.

— Точно, — подтвердила я и, делая ударение на последнем слове, добавила: — Это мой гость.

Ветер сделал еще шаг к парню, а тот, соответственно, от него, да так резво, что сразу уперся спиной в столешницу. Рассказывать бесполезно, надо хоть раз увидеть, как двигаются охотники, как их тело перетекает из одного положение в другое, увидеть стремительность и грацию хищника. Один раз — и с человеком ни за что не спутаешь и не забудешь, если выживешь. Так что парня можно было понять.

— Чего ты хочешь? — спросила я.

Это было откровенной капитуляцией, даже без попытки побарахтаться, и мы оба это знали. Я не могла допустить, чтобы он забрал парня. Надеюсь лишь на то, что такие, как он, ничего не делают просто так. Раз охотник говорит, а не действует, значит, это кому-то нужно. Вот только кому? Тём никогда не был поклонником людей. Причин я не выясняла, слишком уж пугал меня этот мужчина, до икоты и ночных кошмаров.

Ветер развернулся, парень облегченно выдохнул.

— Я? — вроде бы удивился Тём. — Много чего...

И снова эти скользкие движения, теперь уже ко мне. По спине пробежал холодок

страха. Конечно, он сразу почувствовал, ноздри охотника раздулись, а улыбка стала откровенно издевательской.

— Желание, — протянул он, глядя в лицо, — любое по моему выбору, как говорите вы, люди, «будешь должна».

— Нет, — подобная перспектива привела в ужас, я ответила инстинктивно, не раздумывая, и мысленно взмолилась: «Святые, помогите!»

— Нет? — переспросил Тём, словно пробуя слово на вкус. — Уверена?

Пальцы у него были горячие. Я впервые почувствовала их жар на коже. Могла бы и обойтись. Когда тебя берут за горло, приятно мало.

— Иллюзия выбора. — Он чуть сдавил ладонь, притягивая мое лицо к своему, пришлось встать на цыпочки. — Я могу заставить тебя сделать все что угодно.

Одно неуправляемое движение — и острые когти выйдут из горячих пальцев, а не менее теплая кровь потечет по его рукам.

— Это будет долго, грязно и больно, — продолжал глядя в глаза Тём, — но будет. А этого человека — уже нет. Выбирай: обещание — сейчас, дело — потом, а парня я вообще не видел. Либо... — многозначительная пауза, можно и не продолжать, — впрочем, меня устроят оба варианта.

— Согласна. Отпусти, — прохрипела едва слышно я, цепляясь за пол лишь носками кроссовок.

Другой бы не разобрал, но не охотник. Пальцы разжались. Я закашлялась. Молча, будто не было этой сцены, Тём пошел к двери и лишь у порога обернулся.

— Не советую выходить из дома без метки.

Я потерла руками шею, посмотрела на парня, и тот отвел глаза. Дурак. Лицо как открытая книга, думает, должен был вмешаться, защитить даму. Хорошо, испугался как следует, и не полез. Пусть теперь он и считает себя трусом, но у нас водятся такие создания, которых и испугаться не грех. Он ведь жив. Этого более чем достаточно.

— Я... — Мальчишка хотел что-то сказать, оправдаться, хотя бы перед самим собой, но не получалось.

— Жди здесь, — отмахнулась я и побежала в спальню.

При всем паскудстве в одном охотник был прав — без метки выходить на улицу не стоило.

«Метка» — вещь своеобразная, не совсем артефакт, но и не безделица, нечто среднее. Каждый житель нашей тили-мили-трындии обязан иметь хотя бы одну. Выбрать предмет: кольцо, брошь, даже дырявый носок стодится, главное условие, чтобы это мог надеть человек. Вещь несли к старосте (кстати сказать, весьма вредному ведьмаку), тот, в свою очередь, заговаривал безделицу, превращая предмет в метку. В итоге, местные могли приглашать людей в гости. Так здесь показывали, под чьей защитой находится чужак, или даже чей это будущий ни о чем не подозревающий ужин. У одной семьи могло быть без счета таких предметов (тут уж как со старостой договоришься), плюс те, что передавались по наследству. Некоторые вполне могли закатить вечеринку на сотню-другую человек. Многие метки хранились как память, так как давно и безнадежно устарели, ведь не наденешь же шлем с рогами или железные доспехи? Хотя, если жизнь прижмет...

У многих и так фантазия сбила. К примеру, у старосты метка стояла на собачьем ошейнике, а у Пашки вообще на розовых меховых наручниках из секс-шопа, Тём пометил стальной охотничий нож, ибо лучшим способом пригласить человека в гости, по его мнению,

было загнать тому нож между ребер.

На заговор для меня старик тоже расщедрился, ибо таков закон: у каждого должна быть метка и точка. Другое дело, что завести больше одной мне вряд ли светило. И с того самого дня я никогда ее не доставала. Вернее, его — браслет. На кожаной основе причудливо переплетались змейки из бисера и цветных лент. В нем легко узнавалась косая самоделка, чем он, собственно, и был. Подарок от дочери на день рождения, один из последних. Метка хранилась в шкатулке с настоящей ювелиркой, но была ценнее остального золотого хлама.

Парень стоял там же, где я его оставила. Худой, растерянный и жалкий. И лишь слегка удивился, когда я завязала тесемочки на его запястье. Смотрелось нелепо.

— Поехали, поговорим с твоей бабкой.

Машину я час назад бросила прямо за домом, поленившись завести в гараж, за что горячо благодарила святых, высших и низших. Красненькая, яркая, как пожарная машина, «Шкода» не так давно сменила выдавшую виды бежевую шестерку, с которой я еле нашла в себе силы расстаться. Не потому что влюблена в отечественный автопром. Слишком многим событиям стала свидетельницей та машина, много счастливых дней пережила. Теперь она продана, да и счастье пошло своей дорогой.

Мы не успели буквально на чуть-чуть. Прежде чем сесть, парень замешкался, по всему видно, собирался что-то спросить или сказать. Но шорох, с которым перед ним появился человек, вернее, не совсем человек, заставил в очередной раз замереть соляным столбом. Это уже начинало раздражать, хотя могло быть и хуже — некоторые впадают в панику, кричат, а этот ничего, молчаливый.

Не только Тём мог двигаться быстро и бесшумно. Поэтому у парня могло создаться впечатление, что мой сосед Веник вырос перед ним из-под земли. На самом деле он перепрыгнул через кусты, разделяющие участки, и в пару шагов оказался рядом. Сосед был обычным падальщиком, но недооценивать его не стоило. Основным блюдом в меню таких созданий были свежевыкопанные покойники, но и от свежатинки никто не откажется, особенно когда представился шанс отбить ее у заведомо слабого противника. На меня он даже не посмотрел, а вот на парня уставился зачарованными глазами — так дети разглядывают леденцы в витрине магазина.

— Твой? — спросил Веник.

Не заметить метку невозможно. Для нечисти она светится в каком-то другом, недоступном людям диапазоне. Вопрос был бессмысленным. Сосед просто не стал атаковать сразу.

— Мой.

— Ясно, — кивнул Веник и сделал шаг к парню.

Я чуть не застонала, мысленно умоляя мальчишку оставаться на месте. От таких, как гробокопатель, бежать ни в коем случае нельзя, это прямое приглашение к охоте. Веник не производил столь незабываемого впечатления, как Ветер, но напугать у него получалось ничуть не хуже. Он не был грязен или нечесан, не был перемазан землей, как ожидают от кладбищенской нечисти. Лишь траурная кайма под ногтями, плюс стойкий запах старой крови. Лохматый, сутулый и двигался нарочито суетливо и дергано, такие часто вызывают смех или сочувствие. Многие принимали это за слабость, как правило, времени для перемены точки зрения падальщик им не оставлял.

Олег попятился. Веник облизнулся. Доказывать что-то ссылаясь на метку, терять время. Такие уважают лишь один закон. Закон силы. Ее у меня не было.



— Он мой, — с нажимом повторила я, обходя машину, — даже Тём признал это.

Он отреагировал на имя. Мало найдется созданий, способных проигнорировать силу, стоящую за ним, и пободаться с ветром на равных. Веник был не из их числа. Сосед наконец-то оторвал взгляд от парня и впервые посмотрел на меня с интересом, будто удивляясь, что обед вдруг встал с тарелки и начал рассуждать о высоких материях и недопустимости чревоугодия. Я задрала подбородок так, что даже слепой бы заметил следы на шее, а уж запах охотника он ни с чем не спутает.

Вывод прост. Тём был тут. Был и ушел. Ушел без добычи. Стоит ли овчинка выделки? Может, с ней что-то не так, раз даже охотник не стал связываться?

Я представляла, как мысли тараканами бегают у него в голове. Веник продолжал смотреть. За его бессмысленным туповатым взглядом впервые промелькнуло что-то другое. На столь короткий миг, что, возможно, мне просто показалось. За теплой коричневой радужкой не могло быть ничего, кроме голода и жадности, уж точно не жалостливая усмешка, хотя бы потому, что местные на жалость не способны.

Веник отступил. Маленький шажок в реальности, но такой огромный по сути. Впервые я заставила кого-то отойти. Не напугала, но заставила осторожничать и считаться, пусть не со своей силой, но тем не менее. Сосед огляделся.

— Он мой, — повторила я, и добавила: — Нас двое. Ты — один.

Еще один понятный аргумент. Конечно, любой местный справится с человеком играючи, но психологическое преимущество, эта фраза давала. С другим, более агрессивным хищником это бы не прошло, но Веник всегда был осторожен. Похвальное качество. И полезное. Падальщик отошел. Сначала на пару шагов, потом еще и еще, пока не уперся в раскидистый куст шиповника и не перепрыгнул его так же бесшумно, как и несколько минут назад.

— В машину, живо, — скомандовала я. Нечего судьбу искушать, она сегодня и так благосклонна к нам без меры.

— Мой велик? — протянул парень тоскливо.

— Забудь. Бабка новый купит.

Машина завелась, и мы выехали на дорогу. Ветви так низко склонялись над грунтовкой, что полуденное солнце расцвечивало лобовое стекло корявыми темными пятнами. Тишина давила на уши. Парень отвернулся к окну с угрюмым выражением лица. Мы приближались к входу на стежку. Вернее к выходу. Для нас. Дорога всегда была одна, узенькая, бугристая, неведомо каким образом противостоящая вековому лесу, где самый молодой дубок был в два обхвата. «Шкода» еле-еле проходила по габаритам, чудом не цепляя бортами ветки кустов. Двое здесь бы не разъехались. Но дорога всегда одна. Всегда в один конец. Если кто-то именно в этот момент ехал в нашу тили-мили-тряндию, машины никогда не встретятся. Я спокойно выеду, он въедет, даже если время движения совпадет до секунды. У тебя могут быть попутчики, могут быть преследователи, или кто-то очень нетерпеливый начнет истошно сигналить, подпирая бампер, но никогда не будет идущих навстречу. Дорога всегда одна.

Не знаю, какая магия, какие законы природы или не природы, действуют в этом месте. Я не ведьма, не демон, не нежить, не нечисть. Я человек. Чужая. Таким, как я, это место не спешит открывать тайны. Для таких, как я, оно вообще не существует.

Стежка. Дорога в невозможный мир. Переход из одного в другой. Тишина. Ни зверь, ни птица, ни ветер не нарушают безмолвие этого места. А человек бы мог. Я пробовала. Человек

вообще — существо толстокожее и многое не чувствует, не знает и не хочет знать. Я, к примеру, пару раз здесь матерные частушки пела. Давно, правда. И если и рассчитывала, что кто-то оскорбленный святотатством вылезет и оторвет голову, то зря. Звук как зарождался здесь, так и гас, оставляя за собой пустоту и равнодушие. Больше я не экспериментировала.

То, что тут было неуютно, это слабо сказано. Отсутствие звука тоже может причинять неудобство, пусть пассивное. Беспокорство. Тревога. Очень хочется убежать. Мне уже привычно, а каково парню? Я посмотрела на Олега. Парень не блещет умом, но не трус, что бы он сам сейчас о себе ни думал.

Я притормозила, стрелка спидометра с несчастных 40 упала совсем до 10, быстрее здесь никак, да и не хочется, если честно. В этом месте равны все: и автомобилисты, и велосипедисты, и пешеходы. Впереди овраг. Впадина. Провал дороги. Провал в мире. Глубина, заполненная белесой мутью вечного тумана.

Три года назад колеса машины резко ушли вниз, и я в первый раз окунулась в это марево. До сих пор помню свой крик, его слышали, наверное, даже в нашей тили-мили-тряндии. Знаете, это чувство, когда попадаешь в воздушную яму на самолете или мчишься на машине, а дорога резко уходит вниз? Аттракцион «башня свободного падения» или банальная поездка на лифте? Это сосущее чувство пустоты. Умножьте ощущение на десять. Желудок прилипает к спине, дыхание перехватывает от страха и восторга. Вы на стежке.

Любые чувства со временем притупляются, уходят острота и новизна. Где угодно и с чем угодно так бы и случилось, но не здесь. Колеса провалились в никуда. Парень охнул. Каждый переход, как первый. Паника ударила по мозгам, захотелось кричать. Каждый раз, оказываясь здесь, я уговаривала себя успокоиться и не сойти с дороги. Не дрогнуть и не бросить руль, не выскочить наружу и не убежать подальше отсюда. Ничего не видно и в метре от машины. Противотуманки не помогают.

Этот долгий миг. Это короткое мгновение. Времени здесь нет. Сколько объективно длится переход, не знает никто. Внутренний хронометр дает сбой. Все, на что тебя хватает, это держать машину прямо в ожидании той секунды, когда колеса найдут опору и пойдут вверх. Мы выберемся. Должны.

У парня на одной руке мой браслет, на второй — часы. Стрелка, воображая себя компасом, лениво крутилась то в одну, то в другую сторону. Можно было бы достать мобильник и порадовать себя малопонятными значками и пикселями вместо привычной заставки, даты, времени, имени оператора. Приборы машины не отставали от общей тенденции, стремительно закручивая стрелки и помигивая цифрами, сигналами и лампочками. Слава святым, не глохнем, я очень боялась как-нибудь застрять в этом безвременье.

Иногда я тешила себя вопросами вроде: какой здесь уклон дороги, глубина оврага — так, чтобы отвлечься. Не думаю, что когда-нибудь здесь появится хоть один дорожный знак.

Дорога прыгнула под колеса. Выход. Как всегда неожиданно и как всегда именно в тот момент, когда стало казаться, что именно этот переход будет вечным. Бесконечное мгновение кончилось. Светлый лес, дорога со стареньким асфальтом. Двигатель заурчал, стрелка тахометра метнулась вправо. Все. Мы в реальном мире. Можно радоваться. Но каждый раз меня охватывает страх, что не смогу вернуться. Я съехала на обочину и остановилась. Ничего. Мне нужна всего лишь минута, чтобы прийти в себя, вернуть мозги на место.

Стежка не закроется. Помню, как скрипел-смеялся староста: «Кто ж ее закроет! Местным тоже надо есть. А еда — это святое».

Я вернусь. Надо только разобраться с Олегом и его бабкой. Кстати, о парне. Я кожей чувствовала его взволнованный взгляд. Переход никого не оставляет равнодушным.

Мы обернулись, будто что-то окликнуло нас оттуда, из туманной дымки оврага.

Стежку никогда не прятали. Поставят банальную заворотку — и все. Человеку случайному и в голову не придет спускаться в белесую муть. Он сам себе кучу причин придумает, чтобы повернуть обратно. Такая защита. Другое дело тот, у кого есть цель, кто знает, что должен пройти, кто идет за чем-то или за кем-то. Как Олег. На такого заворот не подействует, его магия пассивна и вплетается в человеческое нежелание идти по такой «неуютной» дороге. Но если кто-то проявит упорство... что ж, бросим монетку и пожелаем смельчаку удачи.

— Не страшно было одному ехать?

— Нет. — Он дернул кадыком и опустил голову.

— Хотела бы я знать, как твоя бабка нашла меня, — протянула я, включая передачу и возвращаясь на дорогу.

— Пробила номера машины по базе, — парень пожал плечами, — у нашего соседа, дядьки Вани, сын в ГИБДД работает.

У меня дернулся уголок рта. Святые, как все просто в нынешний век высоких технологий. Я смогла встроиться в его быстрое течение, но не понять. То, что для многих обыденность, у меня даже представить не получается.

— Что она тебе пообещала? — спросила я, выворачивая руль. — Сомнительно, что ты подрабатываешь почтальоном по выходным.

— Квартиру.

— Ого! — вырвалось у меня. — Seriously?

Олег кивнул. Хороший стимул. Мы, конечно, не столица, но и не глухой медвежий угол. Жилье в областном центре на дороге не валяется. Парень не совсем идиот, раз голову в петлю не только из любви к приключениям сунул. О том, что хата на том свете ему вряд ли понадобится, он не подумал. Кто, скажите, о такой ерунде в семнадцать лет думает? Впереди — освещенная солнцем дорога, редкий березняк по краям, а не мрачные великаны нашей тили-мили-тряндии, которая при свете дня вспоминается как кошмар, навеянный жарой. Зато квартира, напротив, обретает все более привлекательные черты. Вон и парень повеселел, выпрямился, видно, уже представляет, как заживет самостоятельно. Даже жаль разочаровывать.

— Когда это Марина разбогатеть успела? — стала рассуждать я. — Квартиры дарит.

— Не, — помотал головой Олег, — вы же письмо читали, свою на меня перепишет, я единственный внук.

От его слов стало чуть ли не физически плохо. Не всем везет с бабушками.

— А сама к вам переедет, — не замечая, как я скривилась, продолжал парень. — Вы ведь давно знакомы...

Олег озадаченно замолчал. Ну, давай уже, начинай соображать, раз заговорил. Что общего у твоей шестидесятилетней бабки и странной тридцатилетней женщины, которую ты никогда раньше не видел?

— Она сказала, что у вас закрытый поселок, с улицы не попасть, охрана, — начал оправдываться парень, словно, если он произнесет эту чушь вслух, она станет правдой. — Я даже подумал, что сосед ошибся адресом, когда приехал. Пять пустых развалюх и все. Вряд ли бабушка туда поедет, хорошо, что вашу машину вовремя увидел, — он покачал головой.

— Что конкретно ты должен был сделать? — перебила я.

— Найти вас, передать письмо.

— Как это поможет твоей бабке освободить квартиру? — Я не скрывала иронии.

— Ну, вы замолвите за нее словечко в кооперативе, — судя по дрогнувшему голосу, он и сам сомневался в таком определении.

— И как это сочетается с моим нежеланием общаться? — Олег молчал, и я продолжила: — Ты выследил незнакомого человека. Не подошел, не передал привет от бабушки, раз уж мы такие хорошие подруги, не пригласил от ее имени в гости. Существует еще и телефон! Делай выводы. Стала бы я помогать добровольно? Больше похоже на попытку поставить перед фактом или, чего доброго, на шантаж.

Парень фыркнул, но, судя по складке на лбу, задумался.

— Перестаньте, — Олег сложил руки на груди, — вы знакомы. Во-первых, вы одна, наверное, ее по имени еще называете, — высказался он, я мысленно чертыхнулась. — Во-вторых, она мне вашу фотку показала. Фамилия, имя, прописка — все совпадает. То, что не общаетесь, так поссорились, давно. Ничего, станете соседями, помиритесь. — Он даже вперед подался. — Если помогу, она на сбережения домик купит и за город уедет, а квартира мне достанется. Друзья пальцем у виска крутили, не верили, идиоты. Ну, ничего... теперь-то...

— Теперь-то эти дурни обзавидуются, — с чувством продолжила я. — Все девчонки твои.

Олег отвернулся и стал смотреть на дорогу. Обиделся. Тоже мне искатель приключений. Индиана Джонс хренов. Чуть ужином не стал, а теперь обижается, что кетчупом не приправили. Я протянула руку и потрепала парнишку по волосам. По крайней мере, это должно было так выглядеть. Что уж подумал Олег, неизвестно, но дернулся весьма натурально. Я осторожно сунула зажатый меж пальцами каштановый волосок в карман кофты и застегнула молнию.

Больше всего меня удивляет, что наша тили-мили-трындия существует вполне официально и даже есть на карте. Правда, называется она более тривиально — село Юково. Вернее, стежка изначально образовалась под настоящим, человеческим Юковым. Подействует заворотка «направо пойдешь» — и попадешь в обычное селение, а не подействует — «прямо пойдешь» в нечеловеческие, но такие гостеприимные объятия.

Как показало время, такое соседство не пошло людям на пользу. Кто-то уехал, кто-то умер, а кто-то пропал без вести. Не прошло и десятилетия, как село «умерло». И тут же «воскресло». То есть для областных властей ожило. Никого не удивило, что в заброшенное Юково стали съезжаться люди, строить дома и жить. Никто не приехал проверить десяток заброшенных домов, никто не думал, что теперь Юково — это село в глубине мира, а не пустынное поселение с двумя зарастающими крапивой улицами. Налоги платят, законы не нарушают, выборы проводят, с инициативами не лезут, дотаций не просят — идеальный электорат. Наш Семеныч подсуетился, перевел Юково из подпольного положения в легальное. К слову сказать, ни одного чиновника мы у себя не видели, местные даже спорят по поводу вкусовых отличий оных от обычных людей. В уме нашему бессменному старосте не откажешь, теперь наша администрация (считай, ведьмак) вполне легально выдает паспорта, свидетельства о рождении и другие документы. Теперь совсем нечеловеческим созданиям гораздо проще влиться в общество, жить и охотиться в нем. Иначе этот юный

следопыт и его не менее деятельная бабка фиг бы меня нашли. В новом мире все решают не люди, а бумажки, запись, сделанная в журнале регистрации, за номером...

Если выехать из стежки и придерживаться юго-восточного направления примерно семь километров, минуя Барское, не заезжая в Борисцево, через Козьмодемьянск и Комарово, в Кормилицине свернуть налево на Большую Октябрьскую улицу, к слову сказать, большой она была исключительно в воображении жителей Ершова, Нагатина и Красных Ткачей, через которые проходит, а ближе к Карабихе плавно переименовывается в Московское шоссе, которое, в свою очередь, упирается в трассу М8 «Москва — Холмогры» (тут уже не заблудишься, километров пять до города и все время прямо), попадешь на место.

Ярославль — областной центр с населением около шестисот тысяч человек. Мой родной город. Ни большой ни маленький. Ни хороший ни плохой. Какой есть. Никогда не хотела уехать из него, никогда не думала, что уеду.

— Куда? — Я остановилась на первом перекрестке: Московский проспект и улица Калинина.

— Прямо, — Олег откинулся на спинку, — до автовокзала, там направо. Мы у «Фараона» живем.

Логично. Игра в казаки-разбойники началась с этого торгового центра. Тридцать лет назад такого явления как гипермаркеты, торговые площади, не наблюдалось вовсе. Самым близким к нему был универмаг «Ярославль», сейчас, кстати, отреставрированный и готовящийся к новому открытию. Я до сих пор иногда впадаю в ступор от всего происходящего. После переселения в наше ненормальное Юково, этот мир кажется слишком быстрым, слишком суетливым, бесполезным, что ли. Примерно раз в неделю я езжу за покупками, брожу со слегка очумелым видом по торговым центрам, большим гипермаркетам, рынкам. Иногда возникает ощущение, что они строятся чуть ли не за ночь. Раньше меня, как человека, пережившего талоны на продукты и тотальный дефицит, сильно поражало современное многообразие, даже возникало желание начать скупать все подряд, ибо запас карман не тянет. Теперь же осталось лишь легкое любопытство: что еще нового придумали, чтобы продать что-либо. Раньше мы охотились за товарами, теперь они за нами. Как говорит наш Семеныч: «Человек такая тварь, как таракан, быстро ко всему привыкает». Сравнение нелестное, но не согласиться не могу.

Я свернула к «Фараону». Знала бы, сколько будет проблем, в жизни бы сюда за продуктами не заехала. Чаще всего я отоваривалась в «Вернисаже», на выезде из города, а сюда заглянула из любопытства, и так неудачно. Хоть я и постаралась выкинуть эпизод из головы, он имел свои последствия, и они сейчас сидели на соседнем сиденье.

«Фараон» напоминает пирамиду. Логика тех, кто придумывал название, шла извилистым путем, но определенная связь прослеживалась. Все торговые центры имеют схожую внутреннюю структуру. Самые дешевые и посещаемые магазины расположены в подвале, сейчас говорят «на минус первом этаже», ну, или, наоборот, на самом верху. Хотя есть вариант, что под крышей соберут все «развлекаловку».

К примеру, боулинг. Пробовала один раз, схлопотала штраф за заступ на дорожку и даже несколько раз по кеглям попала, система подсчета очков так и осталась тайной за семью печатями, так что сильно я не впечатлилась. Кинотеатр «три дэ» после прохода через стежку — развлечение для детей, да и к современным фильмам я осталась равнодушна, много шума, беготни, толку ноль, логики тоже, впрочем, я на роль ценителя-критика не претендую, если всем нравится, то и на здоровье. Все остальное попроще — типа ресторанов, кафешек,

бильярда, много детских городков.

Подвал же всегда отведен под какой-нибудь огромный магазин, торгующий всем подряд. Пирамида «Фараона» была построена таким образом, что смотришь с одной стороны — в здании три этажа плюс подвал, с другой — четыре, соответственно, минус первый становится первым.

Была среда. Изначально я никуда не собиралась, но Пашка попросила отвезти ее в город за специями. Сама она машину не водила, предпочитая, напрашиваться в попутчики. Я могла бы и отказать, но не стала. Во-первых, она единственная, кого я с натяжкой могла назвать подругой в нашей ненормальной тили-мили-тряндии. Во-вторых, она из всех видов мяса предпочитала крольчатину и курятину, что согласитесь, радовало больше всего. Но как шутила сама Пашка, человек, что кролик без соли и специй, — гадость редкостная, так что путь наш лежал напрямиком в торговый центр.

Я бросила машину на парковке с той стороны, где «четыре этажа» и прямой вход в гипермаркет. Войди мы с главного входа, и пришлось бы миновать целую улицу бутиков, спуститься на эскалаторе, я их терпеть не могу. Хотя такая мысль была... можно было заскочить в ювелирный, как знать, десятиминутная задержка — и наши пути никогда бы не пересеклись. Мало того, я всегда перед возвращением в Юково захожу в ювелирный. Кроме того раза. Не думаю, что Пашка оценила бы мою страсть к ювелирным украшениям... ну, почти к украшениям.

Сразу с парковки мы прошли в торговый зал. Узкие проходы, товар не сложенный, а сваленный на стеллажах, ценники, разбросанные как бог на душу положит. Мы не жаловались, в следующий раз предпочтем магазин, более склонный к порядку. Пашка тут же направилась в бакалейный отдел, или как он там правильно называется, сейчас накидает полную тележку трав, специй, приправ и тому подобного. Мешать я ей не стала, и, пусть вкусовые пристрастия у нее более традиционные, чем у остальных, выслушивать, какой именно соус больше подходит к печени, а какой — к сердцу, я не имела не малейшего желания. Мало того, закрадывались смутные сомнения, что она не только для себя покупки делает, а для того же старосты, к примеру. В общем, я за ней не пошла, а она не стала настаивать.

Тогда я зачем-то стала перебирать сковородки, составленные в неаккуратную стопку, словно мне так уж необходима еще одна. Скорее, от безделья — оно еще никого до добра не доводило. Станный день, куча мелких совпадений, приведших к одному большому.

Стопка посуды закачалась, я неловко дернула рукой и порезалась. В это сложно поверить, но именно так. Какому придурку придет на ум сделать края какой-то формы для запекания острыми? Видимо, все же нашелся такой. Естественно, сковородки, блинницы, какие-то еще штуки, правильных названий которых я не знаю, разлетелись в разные стороны и, громко звеня, покатались по проходу, отскакивая от стеллажей и даже увлекая с собой другие товары. Я промычала что-то непечатное, но вечное, и сунула палец в рот.

Вот и все происшествие. Плюнуть и забыть. Максимум — выслушать ругань продавца с жалостливо-виноватым видом, вроде ничего даже не разбила. Словом, рядовой случай. Одно но — все, кто был в торговом зале, повернулись и посмотрели на меня. Сочувствующе. Брезгливо. Осуждающе. Равнодушно. Раздраженно. И даже с интересом. Я же была занята исключительно раной, роясь в сумке в поисках пластыря.

На первый вопросительный окрик: «Ольга!» — я лишь дернула плечом. Мелькнула мысль, что Пашка быстро управилась.

— Ольга, — на этот раз ближе.

— Что? — Я повернулась.

И узнала ее сразу, несмотря на то что прошло много лет. Очень много. Не буду врать, что она не изменилась, но все равно узнала и, мало того, позволила этому узнаванию отразиться в глазах. Пусть лицо расплылось и покрылось сеткой морщин, но зеленые, хоть и немного выцветшие, глаза остались прежними, задорно вздернутый нос и веснушки, которые она так ненавидела в молодости. Маринка всегда была первой красавицей нашего двора, чуть стервозной, своевольной, смелой. Я на ее фоне смотрелась блекло, та самая некрасивая подружка, которую берут на свидание за компанию, для друга. Так было пока я не встретила Кирилла. Но сейчас не об этом.

— Ольга, — повторила она и схватилась за горло.

Понимаю, я бы еще не за то схватилась, если бы встретила подругу детства такой, какой запомнила тридцать лет назад. Хотя по объективному времени, я старше ее на пару лет. Несмотря на испуг, Маринка по-прежнему была красива. Знаете, есть такие люди, которые даже стареют достойно. Как правило, они не измучены тяжелой работой и не согнуты жизненными обстоятельствами. Мне оставалось порадоваться за нее. Ну и немного позавидовать.

— Извините, вы ошиблись. — Я повернулась, собираясь уйти.

— Ага, как же. — Маринка ловким движением схватила меня за руку и перевернула ладонью вверх. Там, как и положено, была родинка, небольшая, ничем особо не примечательная, кроме места своего расположения. Много вы знаете людей с родимым пятном в самом центре ладони?

— Точно. Ошиблась, — повторила женщина, подняла другую руку и чуть откинула волосы со лба. Наверное, надо было вырваться, послать, в конце концов, надоедливую старуху. Но что-то подсказывало мне, что уже поздно, уже ничего не изменить. Справа у линии волос у меня был шрам. В лучших традициях современной молодежи и их тайных мечтаний. Правда, самый обычный, прямой, маленький, сантиметра полтора, тоненькая ниточка чуть плотнее на ощупь, чем остальная кожа. Если не знать, ни за что не разглядишь. Получен он тоже донельзя примитивно: в детстве я наступила на длинный подол ночной рубашки и неудачно упала головой о спинку кровати.

Надеюсь, осмотр закончен, была у меня еще одна «особая примета», чтобы увидеть, придется снять штаны...

— Что вы тут устроили? — к нам, громко цокая каблуками, спешила продавщица, или администратор торгового зала, как они там теперь называются. — Кто за это платить будет? А убирать? — Девушка в фирменной бордовой юбке и белой кофте с эмблемой магазина сурово осматривала беспорядок.

— А-а-а... — не зная, что сказать, я лишь могла выдавать непонятные звуки, мысли металась, как сумасшедшие, и последнее, о чем я думала, это разбросанный товар.

— Сейчас. — Маринка развернулась, не отпуская моей руки, правильно, я бы смылась при любом удобном случае. — Прямо разбежались! По закону, ваш товар должен быть устойчиво выставлен, а это... — Она качнула ближайший стеллаж, на пол тут же посыпались какие-то то ли подставки под ложки, то ли держатели для салфеток, то ли и то, и другое, хорошо, хоть пластиковые. — Расстояние между стеллажами — 4 метра, а у вас сколько? Моя подруга вообще поранилась. Развели бардак, а мы еще и виноваты. Вот подадим на вас в суд и посмотрим, кто кому и что оплачивать будет!

В другой ситуации я бы посмеялась. Маринка всегда была такой предприимчивой, что ли, то есть не для любителей на чужом горбу в рай въехать. Говорят, с возрастом некоторые черты усиливаются.

— Я сейчас охрану позову... Женья! — Голос у девушки предательски задрожал, а когда на крик никто так и не появился, той ничего не оставалось, как кинуться куда-то в боковой проход, угрожающе бормоча, неизвестно кому теперь больше достанется, нам или неведомому Жене.

— Ты до сих пор в розыске.

Святые! Я вздрогнула, Маринкин взгляд стал слишком пристальным, колючим. Ничего хорошего мне это не сулило, и пусть минуту назад она меня защищала, сейчас передо мной была та же решительная и себялюбивая женщина, что и тридцать лет назад.

— Вряд ли, — я не стала больше притворяться, — через семь лет пропавших без вести объявляют погибшими. — Я повернулась к старой подруге: — Тебя поднимут на смех, в лучшем случае. В худшем — окажешься в сумасшедшем доме.

Я постаралась восстановить душевное равновесие. Времена, когда я тушевалась перед ее напором и соглашалась на любые, даже самые глупые поступки, давно миновали. Я надеюсь. Да и документы мне Семеныч выправил настоящие, не подкопаешься.

Легкая тень сомнения на ее лице. Легкая.

— Кто-то же должен тебя искать? Не все же умерли... Леша? Даша? — Она стала наугад перебирать имена родных.

Леша? Брат, вот он-то как раз и умер. Давно. Спился.

Даша? Сестре удалось поступить в Лос-Анджелесскую академию танца и сразу после окончания нашего родного физвоза уехала в Штаты. Так там и осталась. Слава святым. Надеюсь, у нее все хорошо.

Но пора прекращать этот вечер воспоминаний, пока старая подружка не добралась до имен, отмахнуться от которых я не смогу.

— Зачем тебе это надо? — Я выдернула руку — Я сейчас уйду, и мы больше никогда не увидимся. Лет тридцать как минимум.

В любом случае ситуация не оставила мне выбора. Маринка не знала, чего хочет от меня, но отпустить свалившееся чудо было выше ее сил.

Специи стояли в отделе ближе к кассам и дальше от входа. Возможно, отголоски скандала докатились и туда. Хотя какой скандал, так... пошептались немного. Возможно, Паша решила проверить, как там ее бесплатный водитель, или все еще проще, и она уже нашла все, что хотела... Но, когда она выросла позади старой подружки, ни тележки, ни пакетов при ней не было.

— Привет, — протянула она вроде бы даже дружелюбно, только убежать захотелось еще сильнее, чем раньше. И подальше. — Познакомишь?

В подростковом возрасте у Маринки часто отключался инстинкт самосохранения. К примеру, когда она подбила меня сбежать из летнего лагеря, и нас потом с собаками по лесу разыскивали, кстати сказать, так и не разыскали, пришлось с повинной возвращаться. Или когда в первый раз попробовали спиртное — дешевый портвейн, потом долго рвало. Или... Я хочу сказать, что действительно знала, какая она. Не у каждой хватит запала бросить перед свадьбой одного жениха и выйти совсем за другого. Мы не виделись полжизни — надеюсь, с возрастом это прошло. Должно пройти, как у всех, иначе пора уже начинать бояться. Пашка пошла на частичную трансформацию. Обычная реакция на угрозу. Когда кто-то из нашей



тили-мили-трядии видит угрозу, он ее атакует.

Пашка уже выпустила клыки, между зубов мелькнул кончик раздвоенного языка, звуки вырывались с шипящей интонацией, а если приглядеться, то можно было рассмотреть разбегающийся из-за ушей чешуйчатый рисунок на коже. Глаза сузились, зрачок вытянулся на кошачий манер и раздвоился. Последний, кто пошутил по поводу ее четырехглазости, через секунду держал в руках собственный излишне говорливый язык. Явиди не всегда способны оценить человеческие шутки. Пашка — женщина-змея. Правда, она бы не согласилась с таким определением. Она ни в малейшей степени не была человеком, никогда, в отличие от тех же Семеныча или Веника.

Я могу подстричься, одеться и загримироваться под мужчину, стану похожей на мужчину, могу обмануть людей, если верить голливудским фильмам, это весьма популярное занятие, но ни в коем случае не стану мужчиной. Так и Паша. Внешне она была похожа на женщину, выглядела как женщина, и если самкой ее еще можно было назвать, то уж чем-чем, а человеком она не являлась ни в коей мере.

— Я... — Маринка подавилась словами, на то, чтобы уложить в голове все, в чем пытались убедить ее глаза, требовалось время. Не факт, что получится.

— Нет, — я постаралась загородить Маринку, — женщина ошиблась.

Черт его знает, слышала ли она наш разговор, но стоит рискнуть сыграть в дурачков.

Один раз я видела, как убивает явидь. Это совсем не обязательно должно быть кровавым и привлекающим излишнее внимание зрелищем. Ее яд смертелен, один укус, даже порез... Человек покачнется на ровном месте, и нет ничего естественней поддержать под руку, предложить сесть. Голова закружилась. Обморок. Судорога. Остановка дыхания. «Скорая» не успеет. Наверняка слабое сердце. Наверняка. А человек не берег себя, не щадил, работал на износ. Мегаполис. Нагрузки. Плохая экология. Никому не нравится думать, что он может умереть так просто и быстро, без причины, на улице. А потому сам виноват, не следил, не берег.

Больше я этого видеть не хочу.

— Она ошиблась, — повторила я, подхватила Пашку под руку и потащила к кассам. Вернее, она позволила себя потащить. В торговом зале нам вслед растерянно смотрела Маринка. Не скажу, что вечер встречи выпускников удался.

Пашка не потребовала никаких объяснений, ограничившись парой выразительных взглядов, которые я проигнорировала. Зрачки, слава святым, вернулись в нормальное состояние. Ну, нормальное для меня, не для явиди.

Помню, что остановила у другого магазина, попросила ее не задерживаться и купить уже эти несчастные специи. Сама осталась в машине и минут двадцать развлекала себя размышлениями. Если бы Маринка осталась лежать там, то и это событие не стало бы для змеи чем-либо из ряда вон выходящим. Так чего она испугалась? Почему едва не скинула маскировку?

Мы никогда это с ней не обсуждали. Делали вид, что все нормально, что мы подруги. Никогда не откровенничали. Закрывали глаза на такие вот недоразумения. И не ели людей. Иногда для подобия дружбы этого более чем достаточно.

Кто же знал, что подружка успела записать номер машины? Чья молодость осталась в прошлом на самом деле? До сегодняшнего дня я не задумывалась, насколько легко меня найти, если задаться целью. Информация хранится в железном равнодушном нутре сегодняшнего людского бога — компьютера. Надо лишь извлечь, сесть в автомобиль и,

поплутав по проселочным дорогам, позволить себе удивление от созерцания настоящего старого Юкова. Если не повезет, на обратном пути заметить яркую машинку, трактор, грузовую «Газель» или человека с рюкзаком, так похожего на обычного колхозника или лесника, твердо ступающего по стежке. Можно спросить дорогу или увязаться тайком. Результат один. Если есть цель, значит, переход тебе по силам. Но по силам ли тебе выжить там, где людей принято считать едой?

— У знака налево. — Парень указал на ближайший съезд во двор, по бокам которого росли пышные кусты, из них стыдливо выглядывал знак ограничения скорости.

Я свернула к обычной кирпичной коробке «пять на пять». Пять этажей, пять подъездов. Такие строили в 60–70-х годах прошлого столетия. Домики чем-то напоминали коробки из-под обуви, вытянутые, серые и одинаковые. Маленькие квартирki для маленьких жильцов. Узкие коридоры, кухни на пять квадратов. Получить такое жилье для мамы было пределом мечтаний — выбраться наконец-то из нашей коммуналки. В далеком детстве наши дома стояли друг напротив друга. Маринкин — построенная в прошлом веке городская резиденция какого-то купца, фамилию уже и не вспомню. Наш — бывший флигель для прислуги этого же самого купца. Несмотря на классовые различия построек, жили в них люди одинаковые, в одинаково суровых условиях коллективного хозяйствования. Но господскому дому повезло больше, его как памятник архитектуры расселили первым. Наш должен был стать следующим... Сменилась эпоха, а он до сих пор «следующий».

Мы вышли из машины, парень свернул к первому же подъезду. Я обернулась: «Фараон» просматривался отсюда боком и вход на минус первый напоминал въезд на подземную стоянку. Парковка полна машин, то и дело ее пересекали люди с заполненными яркими коробочками-тележками. Зачем? «Зачем, — спрашивала я себя, — я приехала сюда».

Парень прикоснулся кругляшом ключа к панели домофона, современного стража подъездов от бомжей, курящей молодежи и котов, и потянул дверь на себя. В лицо сразу дохнуло сигаретным дымом и кошачьей мочой. Не помогло. Видимо, это внутренние, а не внешние вредители. Обычный подъезд, темно-зеленые стены с местами облупившейся краской. Бывший когда-то белым потолок покрыт подпалинами от зажигалок. Черные пятна складывались в имена и их характеристики, в хрестоматийное слово из трех букв, а в некоторых местах, для особо непонятливых, подкрепленное рисунками.

— Нам на пятый, — сказал парень и загрохотал башмаками по лестнице.

Звук странным образом отражался от стен. Звукоизоляция тут так себе, зато акустика хорошая. Лифта нет. Если бы дом был шестиэтажным, лифт установили бы в обязательном порядке, а в постройках высотой не более пяти этажей это совсем необязательно. По строительным нормам, не по человеческим. Как живут старики на верхних этажах, оставалось лишь гадать, туда-сюда не больно-то побегаешь. Не от хорошей жизни же Маринка пошла на это, наверное. Оправдание так себе.

Мы поднимались в молчании. Обоим было о чем подумать. Финишная прямая. Наши шаги причудливым образом искажались, создавая впечатление, что здесь марширует рота солдат. Жильцы уже привыкли и вряд ли слышат, человеческое внимание избирательно. Помню, мы с Кириллом жили в крохотной квартирке на окраине города, в метрах четырехстах от окон проходила ветка железной дороги. Поезда ходили по расписанию и всегда сигналили, так как станция была неподалеку. Первые пару месяцев у меня аж зубные пломбы вибрировали от дрожи земли да бокалы в серванте звякали. Они и потом

подпрыгивали, но я перестала замечать, перестала слышать, перестала видеть, чувствовать и раздражаться. «Человек ко всему привыкает». Когда меня сочувственно спрашивали, как я могу жить и растить ребенка в таком кошмаре, ответом был лишь недоумевающий взгляд. Искренний взгляд. Никакого кошмара. Мы видим то, что хотим увидеть, и слышим то, что хотим услышать.

Я сунула руку в карман и коснулась скомканного листа бумаги. Как она решилась на такое? Одно обращение чего стоит...

*«Тому, кто прочтет первым...»*

В духе старинных зарубежных детективов.

Первые два пролета мы преодолели на одном дыхании и, не сговариваясь, замедлились. Нам обоим нужно подумать, нужно время — пусть пара минут ничего и не изменит.

*«Человек желает заключить договор с нечистой силой...»*

Деловой документ, ни больше ни меньше. Если бы в тот памятный день полгода назад я была одна! Тон этого гипотетического договора с дьяволом пропитан безумной надеждой и боязнью ошибиться. Это мог написать сумасшедший, или помешанный на фольклоре, или писатель-фантаст, или тот, кто верит в чертовщину. На самом деле верит. Кто знает о существовании созданий, отличающихся от людей. Попробуйте набрать в Сети — ссылок будет несколько сот тысяч. Вы посмеетесь над парочкой и закроете. Вы не отличите правду от вымысла, вы даже не будете знать, что искать, в каком направлении двигаться. Маринка тоже не знала, да и не испытывала такого желания. Пока не встретила со мной. И с явдью.

Третий пролет за спиной. Олег оглядывается, в глазах беспокойство. Не знаю, чувствует ли он это. Скорее да, чем нет. Неопределенность. Чем бы ни закончилось сегодняшнее приключение, а для него это именно приключение, потому что воспоминания не так остры, они сгладили стремительность и неподвижность ветра-охотника и зачарованный взгляд Веника, что-то все равно изменится. В жизни. В нем самом. Он это чувствует.

Я снова коснулась листка, словно в нем заключена некая сила притяжения, неправильное всегда привлекает. Марина знала, что искать. Двойные зрачки явиди не та примета, которую забудешь. Вряд ли она узнала много, листая перекрестные ссылки, но достаточно, чтобы осмелиться на сделку. Цена товара ее не волновала, а в его качестве она уже убедилась. Молодость. Долгая жизнь. В магазине, кроме Пашки, была и я, все такая же, как и в день своего исчезновения тридцать лет назад. Первая красавица решила вернуть свою красоту.

*«...прошу повернуть время... стать молодой... сохранить красоту... Стойкий результат... гарантия на максимально возможные сроки...»*

Далее Маринка витиевато и многословно пытается объяснить, чего собственно ей надо от нечистой силы. Заметно, что она пыталась дать разные определения, старалась не допустить двояких толкований. Всемирная сеть предупреждает, как нечистые силы могут извратить самое простое желание. Пыталась. Что она хочет, ясно из первых же строк, все остальное только добавляет простора для фантазии, не зря же говорят: «Краткость — сестра таланта».

Можно поразмышлять и представить, что план Маринки удался, письмо прочитал кто-нибудь из наших. Семеныч может заговорить вещь заказчика, наденешь, к примеру, кулон и будешь выглядеть лет на двадцать, молодой и красивой. Эффект сохранится на века, ты еще этот артефакт по наследству передашь. Такой тебя будут видеть все, такой ты будешь и на

фото, и на видеосъемке, такой будешь отражаться в зеркале, гарантирую. Один нюанс. Слово «видеть» ключевое. Ведьмак наложит живой морок, он позволит отмотать так тяготившие тебя сорок лет (Маринка решила стать моложе меня, ничего удивительного, она всегда была впереди). Правда, чувствовать себя все равно будешь на шестьдесят: колени болят, давление скачет, зубные протезы натирают, метеоризм в самый неподходящий момент и свежий кефир по вечерам, бессонница... Ты станешь молодой старухой. Иллюзия, какой бы качественной она ни была, не вернет задора молодости (кстати, в договоре о здоровье ни слова) и не заставит «внутреннюю тебя» жить, не вернет жажду жизни.

Не самый худший вариант. Есть и такие, кто вообще не стал бы выполнять обязательства, и, поверьте, клиент со слезами на глазах их поблагодарит. Искренне и от всего сердца. Род психарей<sup>[1]</sup> обширен. Можно встретиться с баюном. Наш Лёник — настоящий мастер, при всей своей нетерпимости не восхищаться его смертельными навыками я не могу. Это не делает его безопасным или хорошим. Он расскажет тебе сказку, красивую и со счастливым концом, ты поверишь каждому слову, — и уйдет в мир бабушка, вообразившая себя юной девушкой. Она забудет про скрипящие колени и бессонницу, забудет о несварении и морщинах. Заканчивают такие люди плохо: либо в сумасшедшем доме, либо в петле, впрочем, таблетки, газ и поезд тоже годятся.

Кто еще? Исполнитель желаний. Встреча с джином — это классика. Не в нашей стежке, гораздо глубже, но теоретически такая возможность есть. Эти создания убедят тебя в чем угодно, даже в том, что ты прима-балерина Большого театра весом под сто килограммов. Бред, вызываемый джинами, больше похож на наркотический, он и технически возможен лишь при физическом контакте, к слову, баюн заболтает тебя, а этому надо еще и потрогать. Исполнитель желаний пропитает тебя той вариацией реальности, в которой ты захочешь остаться. И ты останешься. Минута навязанного бреда запертому в собственной голове человеку покажется годом. Суть в том, что после встречи с джином ты уже больше никуда не пойдешь, ты останешься в его власти до конца, что бы ты ни увидел, тело не сдвинется с места. И да, ты умрешь. Максимум через час фантазия достигнет апогея. Исполнитель высосет из тебя все желания, все фантазии, мысли, чувства. Он будет подкидывать в эту топку дров, пока у человека не останется сил на то, чтобы мечтать и даже думать. Он выжмет вас досуха. Минуты его трапезы — годы счастья для вас. Но желать бесконечно нельзя, чаще всего последнее желание этих «счастливчиков» — уйти. Джин исполнит и его. Они всегда исполняют.

Мы почти пришли, один пролет — и я уже вижу дверь. Железная, тяжелая, такую принято называть гаражной. Несколько раз ее перекрашивали, неаккуратные мазки оставили следы на вычурных жестяных цифрах, единице и восьмерке. Восемнадцатая квартира. Олег звякнул ключами. Мы пришли. Дверь как последнее препятствие между мной и прошлым, между мной и настоящим. Темная узкая прихожая, зеркало, в котором мечутся смутные тени, под ним полка со всякой всячиной: от расчески до мобильного телефона и книги в мягкой обложке — традиционный уголок с полками для обуви и антресолю для шапок. Скорей всего, осталась в наследство от родителей. Что ж, мне и того не досталось, не заслужила.

Парень включил свет. Если у меня и были сомнения, то от них не осталось и следа, достаточно было посмотреть в лицо старой подружке в то самое первое мгновение. Маринка стояла в коридоре и если кого и ожидала увидеть, то не внука в моем сопровождении. Но она быстро взяла себя в руки, испуг и разочарование сгинули без следа. Будь я менее

внимательна, засомневалась, не почудилось ли. У наших на стезжке столько выражений, и они так быстро их меняют, что быть наблюдательной не прихоть, а необходимость. А она пока человек. Надеюсь, им и останется. Но решать не мне.

Марина улыбнулась, она всегда умела делать хорошую мину при плохой игре. Я ответила тем же. Играть так играть.

— Молодец, Олег, — похвалила она внука.

Тут самое время добавить, что квартиру он честно заработал, но она промолчала, мы обе понимали, что не видать парню награды как своих ушей. Хорошо, что он не мой внук, но внутри что-то предательски дрогнуло.

— Иди к себе, — тепло сказала подружка, — как обед разогрею, позову. А мы пока поговорим.

Парень без единого слова скинул обувь ушел куда-то вглубь квартиры.

— Послушный, — не скрывая иронии, прокомментировала я.

Старая подружка поморщилась, развернулась и, ни слова не говоря, пошла по коридору. Посчитав это приглашением, я потопала следом. Слышать правду всегда неприятно.

Кухня, как я и представляла, была очень маленькой. Стол, плита, раковина, холодильник — больше ничего не влезет при всем желании. Сесть негде, да мне и не предлагали.

— Ты сможешь? — спросила Маринка напрямую. Притворство отброшено, и никаких хождений вокруг да около. Мы одни, стесняться некого. Будь я на месте внука, давно бы уже уши грела.

Знаете, где-то в глубине души я понимала ее желание. Понимала как женщина. Не в полной мере разделяла, но могла представить, каково это день за днем следить за отражением в зеркале, видеть неизбежные перемены, морщины, отвисающую кожу, пигментные пятна, видеть, как седеют волосы. Подавляющее большинство предпочитает решать эти проблемы с помощью ботокса и краски. Да, я могла бы понять. Если бы не последние строки ее договора-письма. Она пыталась сжульничать, заплатить за свое желание не своей жизнью.

На долю секунды мелькнула мысль помочь ей по-своему, так я точно сохраню парню и жизнь, и жилье. Попросить старосту послать за вестником, так как желающим заложить душу в нашей тили-мили-тряндии мешать не принято, наоборот, всячески способствовать. Пусть закладывает собственную, чужие вестник к оплате не принимает. Получит она свою вечную молодость, ну, и в качестве дополнительного бонуса превратится в нечисть, ибо то, что вестник проделает с твоей душой, без последствий не останется. Живой пример — мой сосед Веник. Маринка станет падальщицей, или лгуной, или еще кем — нечистый мир нашей тили-мили-тряндии очень разнообразен. В любом случае дорога назад к внуку ей будет заказана. Лгу2на — создание, лишённое собственной кожи, а потому вынуждено снимать ее с людей, надевать на себя, закукливаться, пока не прирастет. Фактически они превращаются в своих жертв, возможно, молодых и красивых. Так и ходят, пока чужой покров не начнет гнить и расползаться. А он начнет. Тогда требуется следующая обновка. Старые лгу2ны забывают не только свою изначальную внешность, но и пол. Останавливало меня то, что в мире станет одним монстром больше.

— Неужели это того стоит? — отвращение прорвалось голосе.

— Это у тебя надо спрашивать, — сквозь зубы процедила она. — Избавь меня от проповеди, сама не белая овечка. Расскажи-ка, куда пропали Кирилл и Алиса? — Она с торжеством посмотрела на меня. — Сама-то цветешь и пахнешь.

Я сжала зубы, рот моментально наполнился медным привкусом крови, а в голове забили набаты. Нельзя показать, что она меня задела. Нельзя. Это моя боль, и я ни с кем не хочу ее делить. Боль из тех, что со временем не слабеет, а лишь набирает остроту, из тех, что не лечится даже выстрелом в голову. Моя Алиса нашла кроличью нору и ушла во тьму так далеко и глубоко, что возвращаться уже было поздно. Мне пришлось идти за ней. И я нырнула следом. Без раздумий и колебаний. А когда вынырнула, шло уже второе десятилетие нового тысячелетия.

— Ты спрашиваешь, стоит ли оно того? Что еще мне остается? — Марина стиснула зубы и зло проговорила: — У меня ничего и никого нет. Пусть для Олега я давно стала привычкой, а не любимой женщиной, он хотя бы был рядом, пока не схлопотал инфаркт. Светка вон сына в честь его назвала, а сама в день его десятилетия сгинула. Отметили праздник. Автокатастрофа. Моя Светка! Что у меня осталось, кроме меня самой?

— Внук, — ответила я.

— Внук... — Она выплюнула слово, будто непристойность. — А ты знаешь, что Света не должна была в этот день никуда ехать, не должна была встретиться на окружной дороге с той фурой, потерявшей управление, если бы не этот... этот не устроил истерику, видите ли, ему не подарили какой-то диск с игрой к его ящику! И она поехала, пообещала любимому сыночку. Назад не вернулась.

— Мне жаль.

— Плевать. Всем жаль. Даже этому... уж я-то позаботилась, чтоб он не забыл. Только это ничего не меняет, — с горечью отмахнулась старая подруга и так неожиданно схватила меня за руки, что я даже не подумала вырваться. — Помоги мне! Богом прошу, помоги! Это шанс. Я начну все сначала, построю жизнь с нуля. Оставлю Олега в покое, бог ему судья, я же вижу, осуждаешь. Пусть так. Сама заплачу, скажи чем! Все отдам. Ольга! Помоги!

Она всхлипнула и зарыдала. Я выдернула руки и едва сдержалась, чтобы не вытереть их о джинсы. Чего я ломаюсь? Взять да и продать ее демону. Если сильно захотеть, можно попробовать связаться с хозяином нашей и сотни других стежек. Мне точно такое зачтется. Что-то во мне даже жаждет такого решения и замерло в предвкушении, представляя, как это будет. Уж кто-кто, а демон вернет ей настоящую молодость, без всяких словесных эпикризов, ну и оставит у себя в вечном услужении. И будет Марина нужники в поместье чистить да лакеев развлекать, в лучшем случае. В худшем — хозяин каждую пятницу, или субботу, тут как повезет, будет выгрызать ей кишки на потеху съехавшимся гостям. Потом, конечно, взмахом руки излечивать и снова выгрызать. Каждый день она будет жить в ужасе, ожидая очередной праздничной трапезы. Умереть таким «живым блюдам» позволяют редко.

— Ольга? — позвала Маринка.

— Нет, — выдавила я ответ и тут же пожалела, надо было пробормотать что-нибудь невнятное, но обнадеживающее, пусть бы ждала, — я не за этим пришла.

— А зачем?

— Остановить. Спаси.

И тут она захохотала. Взахлеб, визгливо, безнадежно. Так смеется тот, кто все для себя уже решил, тот, кому нечего терять, тот, кого здесь уже ничего не держит. Тот, для кого слов убеждения не существует.

Вот и поговорили. Я развернулась и пошла в прихожую. Если раньше я еще надеялась, то теперь уже нет, этот полубезумный смех все расставил по своим местам.

Из одной из дверей выскочил Олег. В глазах — беспокойство пополам с паникой. А смех

все звучал и звучал, в него стали вплетаться хрипы и какие-то безнадежные подвывания.

Я быстро, не давая себе возможности передумать, достала скомканный лист. Расправила и припечатала ладонью парню на грудь. Орденов не держим, извини.

— Что происходит? — испуганно спросил он.

— Если ты все же решишь прийти в гости, то делай это с открытыми глазами.

— Что? — Он машинально придержал письмо.

Пользуясь моментом, я быстро развязала веревочки и сдернула с его руки браслет. Кожа привычно согрела пальцы, маленькие камушки бисера привычно впились в ладонь. Когда-то давно его так же касались руки моей дочери, моей Алисы. Я не могла себе позволить потерять то, что она когда-то смастерила для меня ко дню рождения.

Хохот на кухне перешел в громкое и отчетливое бульканье.

— Бабушка, — парень кинулся на кухню, сминая листок и запихивая в карман спортивных штанов.

Славно. Надеюсь, он про него не забудет. Я вышла в прихожую. Расческа с несколькими застрявшими между зубцов каштановыми волосами лежала на полке, что я заметила ранее. То, что надо. Сняв с расчески образец, я открыла входную дверь и вышла из этого сумасшедшего дома.

Из сумки на свет появился маленький пакетик. Мне нравится думать, что именно в такие упаковывают улики настоящие, а не киношные полицейские. На самом деле пакет был самым обычным, с клейкой полосой, в таких продают бижутерию. Волоски улеглись на дно. Я остановилась, хотя до выхода из подъезда оставался один этаж, два пролета. Вы замечали, что спускаться всегда легче, чем подниматься? Я аккуратно расстегнула молнию на правом кармане олимпийки и осторожно вывернула карман. Вот он, короткий коричневый волосок, прилипший к изнанке. В этом плюс синтетической подкладки — к ней все липнет: мелкие нитки, пылинки, перья, волоски. Не зря старательно трепала парня по голове, стараясь выглядеть естественно — не просить же клочок на память.

Тщательно заклеив пакет, я вышла на улицу и посмотрела на свет. Более длинные — это Марины, короткие — Олега. Хочется думать, что у внука откроются глаза. Но в любом случае я закрою им путь на стезжку.

*«...прошу принять в качестве оплаты услуг подателя сего, и распорядиться его душой и телом по собственному усмотрению...»*

Ведь она верила, что все получится, полусумасшедшей, какой-то отчаянной надеждой, но верила. В невозможное. А парень верил ей. Жаль. Вера — субстанция хрупкая.

Осталось всего ничего — уговорить Семеныча на персональную заворотку для этих двоих. Чувствую, поторгуется он знатно. И пусть, никакая цена не будет выше человеческой жизни. Главное, ведьмаку этого не говорить.

Я завела машину и посмотрела на «Фараон». Где-то там есть ювелирный, который все никак не удастся посетить. По-моему, сейчас самое время.

Когда пытаются представить себе места обитания оборотней, вурдалаков, ведьм и других «злых» сил, все, от режиссеров фильмов до писателей-фантастов, думают о грязных норах или мрачных каменных чертогах, мхе и плесени по стенам, костях в углу, запахе немытого тела и туалете на улице. Нет бы задаться вопросом — почему? Многие из тех, кто стал нечистью, раньше были людьми, так с чего их вдруг потянуло на эффектную, но неудобную в быту готику? Ответ: ни с чего. Это исключительно фантазии людей, полагающих себя венцом творения и вершиной пищевой цепочки. Спешу развенчать сей миф. Тепло, комфорт и уют ценятся в нашей тили-мили-трындии ничуть ни меньше, чем в реальном мире. Добротные домики в один-два этажа, где деревянные срубы, где кирпичная кладка, где не пойми что, надежно отделанное сайдингом. Конечно, подземных этажей чаще больше, чем надземных, но у кого сейчас нет подвала, переоборудованного в мастерскую, или спортзал, или место для хранения припасов? Вот и у наших тоже — все для дела.

Вчера Пашке новый спальный гарнитур привезли. Вызывающе белый. Кто-то даже пошутил, уж не замуж ли она собралась? Явидь зашипела. Шутник заткнулся. Подруге пришлось изобретать предлог, почему ей до зарезу надо свой груз сопровождать, всю дорогу развлекать парней-грузчиков. Сами они ни в жизнь не нашли бы наше ненормальное Юково, а нормальное — нашли и повернули бы назад.

Это еще что, а вот год назад к нам Интернет проводили, та еще была эпопея. Началось все с Семеныча. Где состоялось первое знакомство старосты с новейшими технологиями, не знает никто, но уж очень ему пришлось по душе новый способ сбора информации. Плюс игры, опять же. Хотя последнее он отрицал всеми способами, на мой взгляд, для правды, даже слишком рьяно. Итог: он первый в нашем Юково купил компьютер и установил спутниковую тарелку. Парни из компании техподдержки ходили по селу слегка очумелые и малость заторможенные. Провода нам не светили. Во-первых, далеко тянуть. Во-вторых, когда-то через вход на стежку из реального мира пытались провести телефонную связь. Идея себя не оправдала. Кабель лежал. Телефоны стояли. Связи не было. Так что технический прогресс добрался до нас чуть позже остального мира. Но и только. Никаких туалетов на улице.

Новый вид связи решил массу проблем. Телевидение, конечно было и до этого, но не в таком качестве и не в таком количестве. Телефоны: мы вступали в эпоху сотовых и стационарных аппаратов одновременно и никак не могли понять, какие лучше. Интернет.

Идея оказалась заразной. Вторым инфицированным стал Ленник. Что уж он напел парням из компании, неизвестно, но налаживать связь в его доме они кинулись очень резко.

Тут надо пояснить, что на работяг в нашей тили-мили-трындии действует негласное табу. Сожрать дурака, который из интереса сунулся на стежку, — это святое. Но ни один человек, нанятый для работ никогда не пострадает. Соблазн слишком велик. Знай, заказывай пиццу и лакомись разносчиками. Много ли уйдет времени, чтобы вычислить, где именно пропадают люди? Думаю, нет. А там и до вил, факелов и самосуда недалеко, вернее, уж до топоров и обрезов. Не то чтобы кто-то всерьез опасался, но стежку в этом случае пришлось бы оставить. Искать другую — та еще морока. Да и хозяин по головке не погладит. Вот и



действовало это табу, нигде не прописанное, но тем не менее четко исполняемое.

Меня идеей заразила Паша, которая заразилась еще раньше. Посмотрев, как бодро подруга стучит по клавишам и ничего практически не поняв, но не желая прослыть тупицей, я обратилась в сервисный центр. С нами, кто живет вне времени, такое бывает. Мы очень боимся отстать и потеряться. Мы боимся утратить интерес к жизни. Боимся, что однажды не захочется смотреть на этот стремительно меняющийся мир, и он уйдет вперед. Без нас.

О времени разговор особый. Люди всегда считали нечисть если не бессмертной, то уж точно долгоживущей. Долго-долго-долгоживущими. Это заблуждение. Теперь я знаю о времени немного больше. Относительное понятие. Вернее, двойное. Есть время объективное и есть относительное. Не знаю, какой смысл в эти умные слова вкладывают умные люди, а со мной все просто. Объективное — это то, по которому живут обычные люди: продавцы, дворники, депутаты, врачи, грузчики из мебельных магазинов и парни из техподдержки Ярославской сети. Время, по которому раньше жила я. В минуте — шестьдесят секунд, в часе — шестьдесят минут, в сутках — двадцать четыре часа. Вы просыпаетесь по утрам, смотрите на календарь, за окном дождливый июнь две тысячи десятого.

С относительным или субъективным временем сложнее. Оно существует только здесь, в глубине мира, в стежке. Время здесь сжато. В голову приходит сравнение с каруселью, какие раньше стояли во всех дворах. Небольшие, круглые, они напоминали шапки-таблетки, собранные из стальных трубок. Маленькие деревянные сиденья без спинки. Сначала надо очень быстро бежать, держась руками за перекладину, а потом на ходу запрыгивать, и кружиться, кружиться, насколько хватит инерции. Мы всегда катались большой компанией, раскручивая карусель по очереди. Твой друг сидит, а ты раскручиваешь, быстро-быстро перебирая ногами по пыльной земле, утоптанной до состояния желоба. Потом кто-то другой бежит, и теперь уже ты занимаешь его место на маленькой деревянной перекладине, отполированной бесчисленными прикосновениями. Я не любила быть разгоняющей, мне нравилось сидеть спиной к центру, когда ветер развеивает волосы. Ты сидишь и смеешься таким искренним и беззаботным смехом, что бывает лишь у детей, смеешься в том числе и над тем, как быстро бежит твой друг, кажется, еще немного — и он взлетит. Ты подначиваешь его: «Быстрее, еще, давай крути!» Потому что как бы быстро он ни бежал, твое сиденье всегда вращается медленнее.

Сиденье — это стежка, а мы все на ней пассажиры. Разгоняющие — это люди, их мир, их города, автострады, машины, торговые центры и ночные клубы. Мы живем с разной скоростью.

Можно объяснить и по-другому. Вы движетесь по разным орбитам. У того, кто бежит, круг всегда длиннее, чем у того, кто сидит. Это расстояние и есть время. Вопрос в том, кто пройдет большее расстояние: тот, кто на внешнем круге, или тот, кто ближе к центру. Ответ очевиден, не так ли?

Люди пробегают свое время быстрее, мы — медленнее. Масштаб — один к десяти, сказал мне когда-то Семеныч. Я возненавидела его за эти слова, будто он лично отвечал за устройство этого мира. Здесь, на стежке, пройдет год, в объективном мире — десять. У нас час — у людей десять. Правило работает в обе стороны: устроил пятичасовую прогулку по городу, вернулся в Юково — едва ли полчаса минуло.

Даже наш календарь сделан в форме круга, на первый взгляд напоминает мишень со стрелкой сбоку. Ближе к центру круг чист и бел, не считая жирной черты радиуса, с нее-то и начинается свой бег стрелка. Полный оборот круга — это наш внутренний год, триста

шестьдесят пять дней на стежке. Ближе к краю круг разделен на десять больших сегментов. Для людей полный поворот круга — это десять объективных лет, которые пройдут там в обычном мире. Каждый сегмент разделен еще на четыре части, по временам года, для месяцев или тем паче дней места не хватало, да и не нужны они нам. Так и живет нечисть, измеряя субъективное время по внутреннему кругу, а объективное по внешнему.

Это и есть главный секрет долголетия жителей нашей тили-мили-трындии. Они жили по времени внутреннего круга, а не внешнего. Многие давно не люди, другие никогда ими не были, и в любом случае прожили бы вдвое, а то и втрое дольше людей. Так что в сочетании с эффектом времени стежки мои соседи были практически бессмертны.

Гораздо больше меня беспокоит несоответствие двух потоков времени. Нельзя позволить себе отстать от людей. Для них давно стали обыденностью сотовые, тостеры, микроволновые печи, офисные стулья на колесиках, виброножи и электрические зубные щетки, силиконовые формы для выпечки и пластиковые карты. Для всех — обыденность, для меня — источник страха. По первости я боялась всего, даже электронных часов и пультов от телевизора. Я одевалась неправильно, ходила неправильно, говорила неправильно, даже машину водила неправильно. Я не умела торопиться. Что заставило меня взять себя в руки? Однозначного ответа нет. Я знала: если не смогу сейчас — не смогу никогда, так и буду сидеть на стежке отрезанная от всех и рано или поздно сойду с ума. Первый выход в город был не трудным, он был ужасающим, я чувствовала себя инопланетянкой на чужой планете. Второй — не легче, но уже без тряски в руках и паники. К пятому я осмелилась взять мою первую машину — «шестерку», в 1981 году очень престижный автомобиль для обычного человека, именно она и была моей спутницей в путешествии по кроличьей норе. Она была единственным, что я взяла с собой. Если первые свои походы я делала через «не хочу», то к десятому проснулось любопытство. Слава святым! Я смогла. Я не отстала.

Когда я говорю, что год назад в Юкове появились Интернет и первый компьютер, то нетрудно понять, что по объективному времени это было десять лет назад. Две недели этот агрегат стоял у меня на столе простым пылесборником. Я мужественно боролась с побуждением накрыть его вышитой салфеткой. А потом ряд событий камня на камне не оставил от страха и намерения игнорировать технический прогресс в отдельно взятом доме. Как оказалось, нововведения коснулись не только Юкова, но и других стежек. Еще и вестник, намеренно или так совпало, поймал в свои сети пару программистов. Перейдя на темную сторону, парни не растерялись и развели кипучую деятельность: создали собственный информационный портал, или что-то вроде того. Как сказала Паша, там теперь можно было прочитать новости нашей тили-мили-трындии, рассказать о чем-нибудь самому, подать объявление и даже общаться с другими ненормальными. А чтобы сделать информационное пространство как можно более откровенным и не травмировать нежную психику людей, общий доступ был закрыт. Мы получали пароли персонально у главы стежки. Со стыдом вспоминаю, как Семеныч битый час объяснял мне, чем логин отличается от пароля и куда его надо вводить, не говоря уже о том, как попасть мышкой по миниатюрному крестику в углу экрана. Шло туго. Но шло.

Я решилась на отчаянный шаг — записалась на курсы компьютерной грамотности в городе. На пару дней, по субъективному времени, мне пришлось переехать к людям. Сняла номер в бывшем Доме отдыха учителя, сейчас носившем гордое название «Парк-отель «Ярославль». Выбрала я этот пансионат потому, что находился он недалеко как от города, так и от стежки, ну и еще потому, что в детстве отдыхала там с мамой и братом. Воспоминания

были размытые, но тёплые. Давно уже все изменилось, и старый деревянный корпус «Синий платочек», бывший свидетелем детского смеха, догнивал рядом с новыми безымянными, но гордо красующимися цветной штукатуркой и пластиковыми окнами. Мне понравилось. Особенно бассейн, плавала я плохо, даже от джакузи предпочитала держаться подальше, зато плескаться на мелкой половине никто не запрещал.

Понравилось мне и на курсах, где над моим незнанием элементарных вещей и старомодным словом «штепсель» часто смеялась вся группа, но беззлобно, и неизменно заражая этим странным весельем. Я провела вдали от нашей тили-мили-трындии двадцать дней. Хороших дней, на которые я снова почувствовала себя человеком. Я получила знания и вернула смелость. Теперь если в один прекрасный день я решу, что кроличья нора слишком темна и глубока, то смогу вернуться назад, к людям.

Каждое утро я взяла за правило просматривать в Сети новости. Так какой-нибудь джентльмен в далекой Англии читает за завтраком утреннюю газету. Интересовалась я как местными происшествиями, так и обычными человеческими. У людей заголовки были страшнее, тогда как событие не стоило выеденного яйца. У нас, наоборот: чем суше и лаконичнее слова, тем страшнее случившееся.

Что сегодня в городе? Ссылок слишком много, новые законы и открытие торговых центров меня не интересовали, депутаты и сводки ДТП тоже. Очередной рейд по стройкам: задержаны очередные нелегалы, их каждую неделю ловят, и судя по фото — одних и тех же. Перестрелка во время побега заключенных — из исправительной колонии № 3 города Углича совершили побег трое... такого-то года, осужденные по статье... Солдат на вахте три раза выстрелил вслед беглецам, не попал. Пропали очередные грибники, двое любителей горячительных напитков, промышлявшие попрошайничеством и собирательством вышли вчера из села Борисцева и до сих пор не вернулись. Как рассказывают очевидцы, мужчины собирались в лес по грибы.

Ага. В июне? Так я и поверила. Что в нашей тили-мили-трындии?

Новые ограничения по жертвоприношениям в зависимости от происхождения. А раньше перед алтарем все были равны. Теперь же безродного зарежут быстро и без затей, тогда как местного, случись он с оказией, на жертвеннике растянут подольше. Хм, расизм.

Так, эксперименты с флешками... Это все наш Семеныч с единомышленниками в науку ударился. На механизмы всегда сложно заговоры накладывать, и чем тоньше и сложнее механизм, тем труднее его заколдовать. Ну, пусть дерзают.

Дальше животрепещущий вопрос — не пора ли явиди замуж? Это все еще насчет гарнитура прохаживаются. Автор новости скрыт. Я хмыкнула.

Вестник заключил договор на стежке восточнее нашей. Ну, выпишите ему премию в виде почетного жертвоприношения и вечной памяти впоследствии.

Из *Filii de terra*<sup>[2]</sup>: пропало трое детей, принявших третий год обучения. Было ли это похищение или побег, пока неизвестно.

Святые! Одно предложение. Несколько слов. Меня словно заморозили. Одно движение — паутина трещин разбежится по коже и я рассыплюсь на миллион маленьких осколков. Роскошь, которую нельзя себе позволить, не сейчас. Я медленно встала, закрыла глаза. Сердце грохотало в ушах силой церковного набата. Я сосчитала до десяти и выдохнула. Открыла глаза и еще раз перечитала сухие строки, открыла несколько ссылок, но никаких новых пояснений не появилось. Выбора нет, собственно, как всегда.

Я прошла в спальню, открыла шкаф и вытащила из нижнего ящика рюкзак. Далее — кладовка. Устроим ревизию. На столе зазвонил телефон, но я не обратила на него внимания. Так. Фонарик. Компас. Одеяло. Спички. Я вышла из кладовки и огляделась. Что еще? Достала из холодильника бутылку воды. Выложила на стол хлеб, мясо, сыр и стала нарезать бутерброды. Пакет быстро наполнялся. Телефон наконец-то заткнулся. Я не ходила в походы со школьных времен и наверняка делаю все неправильно. Плевать. Я вытерла руки о полотенце. Телефон зазвонил снова. Я подошла и отключила его, даже не взглянув на дисплей.

Так, теперь надо спуститься в подвал. Я отодвинула стол и откинула половик. Квадратный люк подпола и большое медное кольцо. Дверца была тяжелой, не рассчитанной на человека, но я уже наловчилась открывать ее рывком, вкладывая в резкое движение всю силу рук и тела, чтобы инерция крышки делала половину работы.

Выключатель располагался тут же, около люка, с обратной стороны, то есть на потолке, который для меня в данный момент был полом. Желтый свет единственной лампочки залил просторное помещение, хоть я и использовала самые яркие, осветить каждый уголок подвала не получалось. Железная лестница из тонких перекладин, не маленькая, на пару десятков сантиметров выше меня, так что в собственном подвале я могла стоять в полный рост.

Стеллажи с разным хламом тянулись вдоль трех стен. Инструменты, разложенные по полкам в творческом беспорядке, благополучно покрывались пылью и ржавчиной, так как обращаться я умела далеко не со всеми. На четвертой стене, в дальнем конце, если представить положение дома, то можно сказать с торца, висел сейф. Вернее, он был вмурован в каменный фундамент. Мне он достался вместе с домом, как и содержимое полок. Думаю, все, кому надо, прекрасно знали о существовании тайника. Я его ни разу не открывала, так как прежние хозяева не успели сообщить код. Умерли.

Я повернулась спиной к лестнице, до ближайшего стеллажа один шаг. На самой верхней полке секции валялась кипа ветоши, пара старых курток, рваное одеяло, искусственная шуба «под леопард». Став ногами на нижнюю полку, я подтянулась и отодвинула тряпки в сторону. У стены стоял пластиковый контейнер. На вид объемный и тяжелый. Мне при всем желании было его не достать, не хватало ни роста, ни длины рук. Так себе тайник, но надеюсь, если кто и прогуляется по подвалу без моего ведома, будет думать так же.

Пошарив рукой на полке, я ухватилась за извлеченную из ветоши веревку и потянула. Ящик неожиданно легко заскользил к краю. Ну, неожиданно для стороннего наблюдателя, если бы такой имелся. Сняв контейнер с полки, без труда удерживая одной рукой, я поставила его на пол. Щелкнули запоры, крышка откинулась в сторону. Здесь лежал мой приговор. Если о содержимом ящика узнают, то алтарь и торжественное жертвоприношение мне обеспечены. Контейнер был разделен на несколько ячеек: две большие и узкие, в длину ящика, и четыре маленькие. В каждом что-то лежало. Чаще серебряные броши, ведь у них есть острые иглы, были и серьги, цепочки и даже один браслет, а в больших отделениях — моя личная коллекция столового серебра, как в лучших домах — вилки и ножи (ложки мне ни к чему, у них ведь нет колюще-режущей поверхности).

Мифы о том, что нечисть боится серебра, возникли не на пустом месте. Оно действительно ее обжигает, часто это единственный способ ее убить или вывести из строя на долгое время. Минут на десять, а это очень много. Само собой, все они разные и реагируют по-разному. Если, к примеру, воткнуть ножичек — я вытащила прибор из тонкой промасленной бумаги — в сердце или в мозг, то такой, как Веник, точно умрет. Явись вряд

ли, насколько я знаю, сердце у нее не одно... с шуточками про мозг — осторожнее.

Я сунула маленький блестящий ножичек в задний карман джинсов, закрыла контейнер и приготовилась поднять его на полку, как в дверь постучали. Сильно и громко. Но вежливо, то есть сразу дверь с петель не снесли. Я едва не выронила нехитрый тайник и не развалила содержимое по полу, вот было бы весело. Черт. У меня несколько секунд, не больше, терпение не относится к основной добродетели местных. Поразительно, что с людьми делает страх, ящик оказался на полке в долю секунды, палкой, что стояла сбоку у стеллажа, собственно, для этого и предназначалась, я отпихнула контейнер к стене, стал он неровно, ладно, потом исправлю. Раздался треск, не знаю что не выдержало — дверь или косяк. Я успела набросить леопардовую шубу на контейнер, она неровно повисла на крышке, обнажив один край, и отпрыгнула подальше от этой секции, но поскольку отталкивалась от нижней полки, не рассчитала силы, и стеллаж слегка покачнулся. Я врезалась в соседнюю полку, ушибла плечо, зашипела.

Не знаю, что там подумала Пашка, когда заглянула в подвал, но я не стесняясь, выругалась.

— Ого, — явидь внимательно оглядела полки, — ты в порядке?

Ответила я крайне нецензурно. Было больно. Было страшно. И я торопилась. Чем раньше я отделаюсь от нее, тем лучше.

— Вылезай, — скомандовала она.

Я подчинилась, правда, перед тем как лезть наверх, выправила рубашку, чтобы прикрыть карманы. Как все не вовремя.

— В лучших традициях идиотизма, — в одной руке Пашка держала мой рюкзак, а в другой — телефон. — Почему на звонки не отвечаешь?

— Не трать слова. — Я забрала рюкзак и заглянула внутрь, все ли взяла.

— Посмотришь на тебя и поневоле задумаешься, стоит ли оно того? — Она покачала головой, наклонилась и одним движением вернула люк на место.

— Попробуй и узнаешь. — Я застегнула молнию.

Мне действительно было все равно, что она обо мне думает, и мне действительно пора было идти. Все, что она могла мне сказать, я знала наперед.

— Ты хоть понимаешь, насколько это глупо? — спросила Пашка тоном школьной учительницы.

— Понимаю, — покорно согласилась, доставая из шкафа ботинки, которые купила специально для прогулок по лесу, кожаные со шнуровкой, на толстой подошве, с укрепленным носком. В нашей тили-мили-трындии водятся твари пострашнее змей. Правда, потом я узнала, что такую обувь предпочитают националисты. То-то на меня странно посматривали другие покупатели. В итоге мне стало все равно, в той куче общественных движений, что возникали, как грибы после дождя, быстрее появлялись только политические партии, я не разбиралась.

— Шансы, что пропала твоя Алиса, три к пятидесяти.

— Понимаю, — снова согласилась я, надевая ботинки, по мне так даже такая вероятность слишком велика.

— Тогда не пори горячку.

Я зашнуровала левый и взялась за правый.

— Ольга! — повысила голос подруга, я кивнула, что слышу, не отвлекаясь от шнуровки. — Уф, — она выдохнула, как-то разом растеряв боевой пыл, — Оль, давай сначала

к старику сходим, а? Может, он знает больше, у него доступ шире... Сама знаешь, там, на третьем году, человек пятьдесят, а сбежало всего трое.

— Исчезли, — поправила я, то, что Пашка пыталась сыграть человека, не произвело особого впечатления.

— Пятнадцать минут. Это все, о чем я прошу. Потом отойду в сторону, и делай все что угодно. — Она подняла руки в примирительном жесте.

— Хорошо, — ответила я, пятнадцать минут ничего не решат, я дольше буду решать, в какую сторону пойти, — идем. Только стол на место поставь и комп выключи.

Я не стала оборачиваться, чтобы порадоваться удивлению на лице подруги. Шелест ковра, деревянные ножки стола заскребли по полу. Я дождалась характерных щелчков мышки, ведь чтобы выключить компьютер, ей пришлось повернуться ко мне спиной, и быстро, стараясь не делать лишних движений и не задерживать дыхание, так как на такое местные обращают внимание в первую очередь, достала из заднего кармана столовый нож и сунула его в правый ботинок. В фильмах такой трюк происходит без сучка без задоринки, реальность оказалась жестокой. Нет, явидь не заметила моих манипуляций или сделала вид, что не заметила. Твердая поверхность ножа тут же впиалась в кожу лодыжки, а когда я подвигала ступней, съехала куда-то вбок, стало еще больнее. Надо было хоть примотать его чем-то что ли, хоть резинкой какой.

— Все нормально? — спросила Пашка, и я едва не подпрыгнула, уж очень тихо она подошла.

— Ага. — Я тряхнула ногой и страшное оружие против нечисти вообще провалилось к ступне. — Прекрасно.

Я подняла рюкзак, сняла с вешалки ветровку и, стараясь не прихрамывать, вышла из дома. Н-да, через всю дверь шла широкая трещина, засов был выгнут и почти вырван с мясом.

— Ремонт я оплачу, — выходя следом, сказала Пашка, ни капли сожаления в голосе, лишь голая констатация факта.

По первости дверь мне сносили часто, теперь уже реже, примерно раз в полгода, и далеко не все были столь любезны, чтобы возмещать расходы.

Староста встретил нас неприветливо, по встрепанную макушку закопавшись в книги, тетради и отдельные исписанные символами листочки. Монитор компьютера выглядывал из этого хаоса, ожидающе помаргивая курсором.

— Я занят, — рявкнул он, когда Пашка так же бесцеремонно, как и ко мне, открыла входную дверь. Разница в том, что он свою не запирал.

— Семеныч, — словно не слыша старика, требовательно позвала она.

— Принимаю ставки на то, сколько эта дура продержится. Хочешь поставить? Валяй. Нет? Я занят, — сказал староста.

Собственно, он ответил. Можно было уходить. По мне, так и заходить не стоило.

— Не зли меня, ведьмак, — почти зарычала явидь.

— Сама подумай, — вздохнул он, — что я могу? Телефонов в *Filii de terra* нет, а если бы и были, я не Седой демон, чтобы они передо мной отчитывались, — Семеныч перестал делать вид, что не замечает «эту дуру», и перевел взгляд на меня.

Его глаза были черны, как ночь, что в контрасте с полностью седой головой производило пугающе отталкивающее впечатление. Обычно глаза к старости выцветают или

утрачивают остроту. Староста был другим, осанка, подтянутая фигура, большие рабочие руки. Сколько ему? Выглядит на пятьдесят, на «хорошие» пятьдесят. А на самом деле? Как минимум, раз в десять больше.

Я не выдержала, отвернулась. Пашка права, это не заняло и пятнадцати минут, от силы десять.

— Знаете, — уже на пороге догнал меня его голос, — у Лённика дочка там, а у Константина — сын. Нет? Вот и я не знаю.

Я обернулась, но Семеныч уже зарылся в свои бумаги.

— Не уговаривай, — сказала я Пашке, когда мы вышли от старосты.

— Дом Баюна все равно по пути.

— Ага, — я поправила рюкзак и пошла по дороге, — каковы шансы, что после разговора с нашим сказочником я резво поскачу домой с самой идиотской улыбкой, на которую способна?

— Было бы неплохо, — проворчала подружка. — Жаль, Константин уехал еще позавчера.

Я не стала говорить, что к черному целителю ей пришлось нести бы меня связанной и накачанной снотворным. При всей моей неприязни к баюну я никогда не испытывала такого отвращения, как к Константину.

— Давай ты меня здесь подождешь, — явидь выразительно постучала по наручным часам, — у меня еще есть пара минут из обещанных.

Она указала на ближайший угловой дом на пересечении Центральной и Октябрьской улиц и сделала жалобную морду. Попыталась. Ни двойной зрачок, ни клыки не подходили к выбранному образу. Теперь хотя бы буду знать, где живет наш сказочник. Обычный деревянный дом с двускатной крышей, без излишеств и декоративной отделки, ничего особенного, даже глаз не цепляет, таких в Юково немало. Я махнула рукой, мол, иди уже. Явидь улыбнулась, взбежала на крыльцо, по обыкновению не постучавшись, распахнула дверь и скрылась внутри.

Я осмотрелась, на улице никого не видно, то ли так совпало, то ли потому, что окраина села. Пора было обдумать дальнейший путь. Пашка, конечно, придумает что-нибудь еще, но, по-моему, запас предлогов она исчерпала и теперь с чистой совестью может считать долг подруги выполненным... и отстать наконец. Очень вовремя Константин убрался со стежки. Я бы и так к нему не пошла, а уж просить помощи...

Я всегда знала, что местные относятся к людям пренебрежительно — потребительски, как к еде. Но то, что делал целитель, лежало где-то за гранью добра и зла, попавший к нему человек сам попросит о смерти. Константин считает себя ученым, экспериментатором. Понятно, что от такой формулировки ждать чего-то хорошего не приходится, но теперь это слово внушает отвращение. Я видела часть этих экспериментов.

В ту ночь мне не спалось, и я додумалась выпить пару бокалов вина. Но вместо того чтобы уснуть, добилась противоположного эффекта. Идея прогуляться по ночному Юкову показалась хорошей и интригующей, с легким щекочущим нервы привкусом опасности. И мне повезло — я вернулась домой целая, трезвая, дрожащая и давшая клятву закончить роман со спиртным, так толком и не начав его, то есть этой же ночью.

Не совсем трезвые ноги занесли меня в южную часть села. Юково строилось вокруг стежки, она же улица Центральная, названия придумали, когда перешли на легальное положение и понадобилось заполнять официальные бумаги, ставить штампы о регистрации,

вести торговлю и тому подобное. Долго не думали, так как проходящую через все село стежку под прямым углом одна за другой пересекали двенадцать улиц разной длины и ширины, их называли по месяцам, начали соответственно с Январской, где, кстати, стоял мой дом, а закончили Декабрьской. Так что все Юково состояло из тринадцати улиц, двенадцать месяцев плюс Центральная, она же стежка, проходящая с юго-востока, где находился выход на шоссе к городу, до северо-запада, где выныривала у леса за озером.

Я особо не интересовалась, кто где живет, Юково — село большое. Как оказалось, зря, от некоторых домов надо держаться подальше. Например, от серого кирпичного двухэтажного с плоской крышей, покрытой листовым железом, пятого к западу от Центральной по улице Марта.

Меня привлек тихий скулеж, в первый момент я подумала о собаке, вернее, о щенке. Но ни будки, ничего подобного перед домом не было, как и забора, не приняты они в нашей тили-мили-тряндии. Я подошла ближе и поняла, что звук идет из подвального окошка у самой земли, размером не больше пары кирпичей, если бы их вынули из кладки, пролезла бы разве кошка. И там в темноте кто-то скулил.

— Эй, — тихо позвала я, наклонившись с отдушины.

— Я больше не могу ходить, — с надрывом заплакали с той стороны. Голос был женский, молодой и обреченный.

— Что? — переспросила я.

Из отверстия высунулась рука. Света луны хватило, чтобы рассмотреть все в деталях. И запомнить. Тонкие девичьи пальцы, сломанные ногти, светлая, почти прозрачная кожа, которую грубо прорывали какие-то округлые пластины, стоящие торчком. Это чешуя... Помогите мне, святые, настоящая рыба чешуя, только в два раза крупнее. Вокруг разрывов уже засохли зеленый гной и сгустки крови. Рука заскребла по земле.

— Я не могу ходить... Больно-о-о... У меня больше нет ног, — тонкий жалобный скулеж, в котором осталось слишком мало человеческого.

Я попятилась, запуталась в собственных ногах и упала на задницу. Рука в последний раз сгребла мусор и исчезла.

Хотела бы я сказать, что пошла, забарабанила в дверь и потребовала освободить несчастную. Или еще лучше, сбегала за серебряной вилкой, подобно супергерою, пробралась в дом, покарала хозяев и спасла пленницу. Увы, не могу. Я бежала обратно без остановки и остаток ночи, забравшись под одеяло с головой, пыталась убедить себя, что ничего не было. Тогда, в первый раз, пришло сомнение, а не слишком ли темна и глубока для меня кроличья нора.

Уже потом я выяснила, чей это дом. Черного целителя я видела один раз, и то издалека, что меня полностью устраивало.

Пашки не было уже минут пять. Я огляделась и подергала ногой, стараясь сместить ножик еще немного в сторону. Лежа вдоль ступни, он причинял не столько боль, сколько неудобство. Будем считать первый опыт в качестве секретного агента, вооруженного тайным оружием разрушительной силы, состоявшимся.

Из дома баюна вышла понурившаяся явидь. В принципе все было понятно по ее внешнему виду.

— Он сказал, что если мы приблизимся к его дочери, будем на главной площади макарену танцевать. Три дня. Голыми, — подруга была смущена или мастерски отыгрывала



смущение, не помню, чтоб кто-то из местных сильно стеснялся наготы. — И больше ничего слушать не стал.

Я похлопала ее по плечу, чтоб не расстраивалась зря, и пошла по грунтовке, огибающей село и уходящей в лес. Подруга сделала пару шагов следом и остановилась.

— Удачи, — донеслось мне вслед.

— Со мной не хочешь? — Я обернулась, и вопрос вырвался прежде, чем я успела его сдержать.

— На землю детей мне хода нет, — Пашка оскалилась. — Есть там один... как вспомню, так когти сами собой выпрыгивают, так хочется ему в морду запустить, — явидь спрятала руки за спину. — Пойду тоже ставку сделаю. Не подведи.

Меня отпускали. Может, я была капельку несправедлива к ней и она действительно хотела помочь, а не отвлечь?

Лес в нашей тили-мили-тряндии и лес в обычном мире — два разных явления. Редкий ельник, и подавляющая вышина стволов великанов. Те, кто хоть раз проходил по стежке и имел возможность сравнивать, знают, каким пугающе большим все становится. Стежка, как линза, увеличивает все, что видит. Был лесок — стали непроходимые дебри, был заросший пруд с лягушками — разольется озеро, глубину которого не измерить, а уж кто в нем живет, лучше вообще не выяснять. Яркий заливной луг сменится зарослями толстой мясистой травы выше человеческого роста, эдакий газон для великанов. Что тому виной? Стежка все меняет? Или наша тили-мили-тряндия всегда была местом, где все «слишком»?

Что такое стежка по сути? Это дорога. Тропа по «одеялу мира». Вот она идет по лицевой, а вот ныряет на изнанку. Тот, кто идет по ней, и ныряет вместе с ней. Стежка никогда не кончается. Их много, иногда они пересекаются, и получаются крестовые стежки. А иногда не пересекаются. Наша стежка, что проходит через Юково, линейная, перед селом ныряет в глубь мира, а за озером выныривает обратно в человеческий мир, словно усердная мастерица прошивает, «простегивает» ткань реальности. Игла на одной стороне, игла на другой, и тянется за ней нитка-стежка, не такая уж и заметная, пока не приглядишься повнимательней.

Я присела на поваленный ствол, заросший лишаем, и наконец-то переложила «оружие против зла» обратно в карман. Самое время подумать над маршшрутом.

Как быстрее всего добраться до *fili de terra*? Есть два варианта. Первый, и самый очевидный, на него, я уверена, сейчас делает ставки большинство моих соседей, это шагнуть прямо отсюда, не выходя в обычный мир. Взять отклонение несколько градусов в сторону, идти по нему, как по кругу, не обращая внимания ни на рельеф, ни на ландшафт. То есть все время поворачивать, идти по спирали, ввинтиться в мир еще глубже. В человеческом мире такой номер не пройдет, а в этом — пожалуйста. Такой путь из любой точки нашей тили-мили-тряндии, если эта точка находится под открытым небом, а не в доме, приведет тебя в самое безопасное место на свете. Минус этого способа один — время. Никогда не знаешь, сколько витков придется сделать, пока земля детей услышит твой пеший призыв и откроет проход. Семеныч пытался провести параллели и рассчитать пропорции, чтобы выявить зависимость между точкой нахождения и скоростью «ввинчивания». Вроде как без особого успеха, правда, со мной он результатами не делился.

Есть еще один путь. Если входов в *fili de terra* множество, и каждый может в любой момент создать новый, выходов на весь континент около сотни и все они фиксированные, то

есть, по сути, обычные стежки — дороги, всегда находящиеся в одном и том же месте и соединяющие пункт А с пунктом Б напрямую классическим способом, а не по спирали. И да, ничто мне не мешает войти в *fili de terra* через выход. И да, одна из таких дорог проходит неподалеку. Нужно пройти по нашей стежке дальше, пока она не вынырнет за озером, а потом на север километров двадцать. Выиграю я здесь не по расстоянию, а по времени, ведь эта долгая, навскидку часов шесть — семь, прогулка пройдет по миру людей, а здесь минет минут сорок от силы.

Я встала, подтянула лямки рюкзака, попрыгала на месте. Ничего не мешает, не болтается. Впереди меня ждал долгий переход. Было скорее позднее утро, чем день. Если все удастся, если с Алисой все в порядке, я вернусь в Юково еще до темноты. Если нет... тогда и возвращаться, по сути, незачем. Я отогнала плохие мысли, не могу позволить себе эту роскошь, потому что тогда буду способна только на беспомощные метания и слезы, а это самый хреновый путь.

Впереди очень долгий день.

Но вопреки данному слову не думать о плохом не получалось, черные картинки ближайшего будущего одна за другой все равно вставали перед глазами. Это как с насекомыми: чем больше стараешься, машешь руками, тем сильнее они вокруг тебя вьются. От кошмаров наяву тоже сложно избавиться, особенно если очень стараешься. «Попробуй-ка не думать о синей обезьяне». Комок подкатывал к горлу, а ноги невольно ускорялись, едва не срываясь в бег. Одной рукой я раздвигала высокую траву, всматриваясь в поросший камышами берег, вторую сжимала в кулак. Надо рассуждать логически. *Fili de terra* не зря назвали самым безопасным местом этого мира. Даже зная дорогу проникнуть в него непросто, и многие могут сутками напролет ходить по спирали, но путь на землю детей так и останется для них закрытым. Желание попасть туда должно быть сильным и обоснованным. Тебе действительно до зарезу должно быть необходимо попасть на остров детей. Только бескомпромиссное желание будет той силой, что постучит в невидимые и неосознаваемые двери *fili de terra*.

Это сейчас на нашу тили-мили-тряндию наброшен легкий налет цивилизованности. Очень легкий. Понадобится, скинут в один момент и схватятся за каменные ножи, как в эпоху истребления, принятую еще называть временем, которое проклинали. Хотя зачем заглядывать так далеко, еще лет сто пятьдесят назад, по внутреннему кругу стежки в нашу эпоху, непонятно за что названную тихой, кипели битвы, велись войны, вырезались села. Клан на клан. Стежка на стежку. Страшно представить, что творилось в древности. Наверное, сам мир устал от слез и проклятий, раз создал такое место. Или оно существовало всегда, но докричаться до него удалось не сразу. Когда какая-то мать, в реальности кровавая ведьма, пожелала спасти то, что дороже ей всего на свете, ее будущее, ее ребенка. И мир откликнулся, как откликался впоследствии многим, но не всем. Отсюда и пошло «*fili de terra*» — земля детей.

Озеро осталось за спиной. Дорога пошла под уклон, впереди в низине лежал туман. Хотя логичнее всего спуститься над гладью воды, но когда это в нашей тили-мили-тряндии кто-то вел себя логично? Тем более, чем дальше по дороге, тем тише становится мир вокруг, даже шаги перестают шуршать раскатывающимися камешками. Занятая мыслями, я не сразу поняла, что переход по стежке начался. В первый раз пешком, как с удивлением констатировала я. Паника, рождавшаяся магией этого места, как нельзя лучше отвечала внутреннему состоянию, желудок ухнул куда-то вниз, и я пробежала. Вперед. Не

останавливаться — и все будет хорошо. В этот день я как никогда была близка к тому, чтобы остаться в переходе навсегда. Потому что была не готова, была расстроена и напугана. Уйти в *non sit tempus*<sup>[3]</sup>, в пространство, где нет времени. Если свернуть с дороги в момент смены миров, потеряешься навсегда.

Если представить стежку в виде провода, соединяющего миры, то окружающее каждый переход безвременье — это изоляция. Оно постоянный спутник дорог. Недобрый попутчик, подстерегающий заблудившихся путников.

Никто из таких потеряшек еще не возвращался, хотя, с другой стороны, слухи откуда-то берутся.

Я остановилась в последний момент, когда сквозь опутавшую мозг панику пробилась картинка темного леса перед глазами. Я уже развела ветви руками и готовилась сделать первый и последний шаг вне дороги. Святые! Хрупкое равновесие между головой и телом вернулось. Шаг назад — белесая мусть скрывает черные стволы и под ногами укатанная и исхоженная дорога. Надо идти. Идти быстро, но не бежать.

Вывалилась в реальный мир я как всегда неожиданно, только что ноги преодолевали трудный подъем, будто взбираешься в гору под водой, и через секунду едва ли не взлетаешь над тропой от приложенных усилий. Все, я в мире людей, и время начало свой стремительный бег. Пять минут на отдых. Глоток воды. Встать, это не последний переход на сегодня.

Я вывалилась из позднего утра в поздний вечер. Неприятно, но идти придется ночью по пересеченной местности. Неприятно, но надо. И я пошла, слушая ночной стрекот сверчков, шелест травы, впереди поле и чахлая полоса тоненьких, еще не разросшихся лип. Я застегнула куртку до самого горла, так как меня тут же окружили комары. Вот еще один факт: в нашей тили-мили-трындии они не водятся. Я достала из рюкзака бутерброд и стала есть на ходу, будем считать это обедом. Впереди самая изматывающая часть пути и еще два перехода. Как спросила Пашка, а стоит ли оно того? Стоит.

Дети часто были и самым ценным, и самым расходным материалом, как бы ни парадоксально это было. Ритуалы жертвоприношения детей как залог процветания рода практиковали до сих пор. Страшно представить, что творилось в прошлом. Радует одно: раз *fili de terra* появилась, не все были такими. И это подводит меня ко второму условию допуска на землю детей: если твое желание — это стук, то намерение не причинять вреда — это ключ. Ни на сердце, ни в голове у тебя не должно быть зла. Ни какого-то абстрактного зла, этого добра как раз сколько угодно, а вполне конкретного, направленного на одного из обитателей земли детей. Возможно, там сын и наследник кровного врага, ребенок предателя или мешающий взять власть маленький претендент на стежку, не важно. Если есть хоть малейшая тень, отзвук желания, призрак вражды, *fili de terra* тебя не пустит. Пашка сразу призналась, что у нее там враг, а значит, доступ закрыт. Мне проще, я там вообще никого не знаю.

До стежки, которая выведет меня к цели, еще идти и идти. Бесово — крестообразная стежка на нелегальном положении, в отличие от Юкова, то есть ее там не существует. Насколько я знаю, мешать тем, кто идет в убежище, не принято. Другое дело, если земля детей тебя не пустит: алтарь или котел на выбор. И будут в своем праве.

Разницу между проездом ныряющей стежки на машине и путешествии на своих двоих я уже успела ощутить. Это как сравнивать лифт и лестницу — результат одинаковый, а усилия, ощущения и скорость разные. И теперь готовилась испытать повторно. Двадцать километров

и почти вся ночь были позади. Небо уже окрасилось первой робкой полоской зари.

В первый раз я не была такой уставшей. Ноги дрожали, голова гудела, болели глаза, уставшие вглядываться в темноту ночи, а стоило их закрыть, как на веках проступал круг света, фонарик светил не слишком широко, да и батареек надолго не хватило. В волосах запутались листья и нити паутины. На внешний вид наплевать, а вот то, что сердце стучит так, будто собралось выпрыгнуть из груди, и дыхание вырывается с присвистом, последние три километра дорога шла в гору.

Надо отдохнуть. Иначе могу снова вместо *fili de terra* попытаться отправиться в безвременье. Я несколько раз присела, выпрямилась и выровняла дыхание. На землю лучше не садиться, иначе велик соблазн и вовсе не вставать.

Второй переход дался мне одновременно и легче, и труднее. Легче, потому что в этот раз я была готова. Сразу стала мысленно напевать бравурную песню, не для поднятия духа, а так было удобнее выдерживать темп, сосредоточившись на шагах, а не на безумном нечто, которое идет за тобой, и от которого так хочется убежать. Тишина была снаружи, но не внутри. Возвращение в нашу тили-мили-тряндию прошло без эксцессов, правда, приятнее оно не стало. Мне показалось, даже наоборот, тошноту еле удалось сдержать, и трудность была в том, что время на этот раз тянулось бесконечно. Бесконечность в тумане. Когда вывалилась, я мысленно поблагодарила всех святых, что не дали мне сбиться с дороги. И пусть я как выжатый лимон и еще как минимум один переход впереди, но прошла. Я на стежке. На чужой. На несуществующей. Обычно это означало, что ее обитатели не могли сосуществовать с людьми, или не хотели, или не контролировали себя.

Из зарождающегося утра я перебралась в утро позднее. Надо добраться до креста, на нем свернуть налево, так сказать, сменить стежку. Я шла быстро, но пара человек проводила меня задумчивыми взглядами. Наверное, повезло, что сейчас здесь так мало народу. Я вообще «везучая», потому как один из незнакомцев увязался следом, правда, на расстоянии, не то чтобы не мог догнать, не хотел, пока.

Слава Святым, Бесово стояло в основном за крестом, и обошлось без променада через все село с молчаливым то ли сопровождающим, то ли конвоиром.

Крестовая стежка ничем не отличалась от перекрестка — те же встречающиеся и расходящиеся дороги. Я чуть замедлила шаг и обернулась. Незнакомец шел следом. Может, показалось, а может, он стал сокращать расстояние. Никогда не думала, что это так нервирует, непосредственной опасности нет, а вот потенциальная зашкаливает. Я еще раз оглянулась. Разглядеть как следует не получалось, в глаза сразу бросался оранжевый жилет с черной надписью РЭУ-3. Мужчина, не старый, нормального телосложения, тень от замызанной кепки скрывает лицо.

Новая стежка уводила на северо-запад. Я почти на месте перехода, уже видно, как прозрачный воздух густеет и сворачивается в белые спиральки, стекая ниже и ниже по дороге. Самое время собраться, и пусть в животе образуются льдинки, царапая острыми краями и причиняя совсем не мифическую боль, им плевать на твой самоконтроль. Так, теперь вспомнить какой-нибудь навязчивый мотивчик. Простая мелодия тут же ввинтилась в мысли. Отлично. Я готова. Я пошла.

Из мира — в мир. Из Юкова наверх, к людям. Ночная прогулка по лесам и полям, очередной нырок вниз, в Бесово, обратно в мир нечисти. Теперь передо мной третий переход, еще глубже, в *fili de terra*. Никто не знает, как глубоко находится остров детей, никто не сможет нанести его на карту.

Зачем я обернулась? Да ни за чем, не смогла иначе. Преследователь был рядом, замер в пяти шагах позади. Во всей его позе мне почудилось что-то знакомое, что-то абстрактное, неуловимое, так как лица по-прежнему не было видно. Стоило на мгновение отвлечься, как мелодия испарилась, стерлась начисто. С шага я тут же сбилась. В голове воцарилась гулкая пустота, и в ней, пока неярко, начал разрастаться ядовитый цветок паники.

Чертов преследователь! И чего ему дома сегодня не сиделось? А двигается-то как знакомо, люди так не могут. Что ему надо? Я опять оглянулась. Тот же белый непроницаемый туман перехода, ничего не видно. А если он здесь? Так и идет за мной? Если прямо сейчас подкрадывается ко мне со спины?

Тишина. Такой тишины не бывает. Надо спрятаться и переждать. Точно. Пропустить преследователя, пусть идет первым, и охотник и жертва поменяются местами. Вот у обочины толстый ствол, и ветви начинаются низко, взобраться не составит и труда. Или кустарник с густыми резными листьями, даже лезть никуда не придется, шаг — и заросли и туман надежно спрячут тебя от любых глаз.

Меня спасла собственная неуверенность и дикое ощущение неправильности. Ветки, листья, рядом темный влажный ствол в два обхвата. Что не так? И почему так странно колышутся тени? Минутку, какие тени, здесь нет солнца, лишь рассеянный серый свет. Без источника светится сам туман, но еле-еле. Что там могло шевелиться за кустом в темноте? Маленькое сомнение, и я остановилась на краю дороги. Может, куст был и не столь хорошей идеей? Я продолжала вглядываться в шевеление теней в двух шагах от дороги, туда, где туман темнел. И вдруг наткнулась на такой же взгляд с той стороны. Кто-то смотрел прямо на меня, слишком явно и тяжело, обладай он физической силой, я бы уже лежала придавленная к земле. Появись преследователь сейчас, обрадовалась бы как родному и, что вероятнее, спряталась бы за спиной, пусть сам в гляделки играет. Но он не появился. Никого здесь не было, кроме меня и взгляда из *non sit tempus*.

Я сглотнула, опустила глаза, заставив себя сделать два шага назад, этого хватило, чтобы туман и темнота обочины скрыли от меня чужой взгляд из безвременья. Мозги тут же встали на место. Я вспомнила, кто я, откуда и зачем иду. Третья стежка сегодня едва меня не затянула. Количество не торопится переходить в качество. Силы уходили с каждой минутой, ледяная глыба внутри продолжала расти, а я стояла посреди дороги в тумане. А должна быть совсем в другом месте, должна помочь. Где-то там, возможно, бродит моя Алиска, моя потеряшка. Я найду тебя! Все-таки я себя пересилила, переборола панику, дезориентацию и слабость. Пошла вперед по единственно возможному пути, почти не почувствовав, как дорога пошла в гору. Шла, монотонно переставляя ноги. Я не выбралась. Я вывалилась. Буквально. Упала на колени, стараясь удержать внутри съеденный бутерброд. Но он был настойчив. Я стояла на четвереньках, рассматривая траву и остатки завтрака. Не то чтобы мне это нравилось, силы поменять позу нашлись не сразу. Села, достала воду и отпила, оставив в бутылке едва ли на четверть. Побултыхавшись, жидкость вроде улеглась. С гадким привкусом во рту придется на время смириться.

Я в *filiis de terra*. Я в безопасности. Если тот, кто шел следом, имел насчет меня нехорошие планы, сюда ему хода нет, потому что я теперь тоже часть этой земли, пусть и ненадолго.

Я встала, ноги дрожали, одежда прилипла к потному телу. Земля детей меня впустила, и по логике кто бы тут ни жил, он не должен воспринимать пришельцев как врагов. Или нет?

Лес вокруг очень похож на обычный. Березки, елки, под ногами трава вперемешку с

хвоей, наполовину скрытые в тени папоротники. Не зная наверняка, куда попала, сказала бы, что я в мире людей. Сквозь кроны пробивается теплое солнце, даже птицы поют. Идиллия. Вечное лето самого безопасного места среди миров. В отличие от нашей тили-мили-тряндии здесь времена года не мелькают, как недели, и не тянутся месяцами, как у людей, здесь всегда тепло и всегда зелено, как на курорте.

В этом месте дороги не имеют значения, можно идти по любой. Я отряхнулась от налипшей травы и мелких веточек и пошла вперед, не сходя со стежки, оставив проход за спиной.

*Filii de terra* — обособленная земля. Представьте себе солнце, каким его обычно рисуют дети. Круг с расходящимися в разные стороны лучиками. Так вот, центр — это и есть земля детей, остров, висящий в пространстве и времени. Лучи — это стежки как статичные, так и самопроизвольные, спиральные. Очень много дорог ведет в *filii de terra*, и в любой момент можно создать новую. Если я пройду землю детей насквозь, то упрусь в переход, и не важно, куда я сверну или сойду со своей стежки, этот остров со всех сторон окружен переходами. Эта земля, в отличие мира людей и нашей тили-мили-тряндии, не бесконечна, волшебное солнышко в переплетении стежек. Входов без счета, и каждый выход на учете.

Сквозь листву мелькнуло что-то коричневое. Черепичная крыша низкого вытянутого домика. Я остановилась. За первым домиком шел второй, за вторым — третий. Белая штукатурка, темно-розовая, светло-желтая. Это раньше здесь было убежище, пока во время очередной стычки кланов в *filii de terra* вместе с детьми не угодил их наставник. Учитель здраво рассудил: чего время зря терять, война войной, а уроки по расписанию. Ну, а где два ученика, там и двадцать. Война закончилась, а опыт остался. В следующий конфликт дети отправились в убежище не одни. Постепенно шалаши из веток и постели из лапника сменились деревянными временками, а те, в свою очередь, добротными срубам, многие из которых стоят до сих пор.

Хозяева давно поделили нашу тили-мили-тряндию на четыре названных по сторонам света предела — Северный, Южный, Западный и Восточный. Они могли ненавидеть и убивать друг друга, но не на этой земле. *Filii de terra* не оставила им ни малейшего шанса. Надо отдать правителям должное, они не стали рвать волосы от досады, хотя кто знает. Предок хозяина Северных пределов из рода Седых, владелец нашего Юкова и его стежки, смог заключить беспрецедентный договор. Ради него все воюющие стороны взяли тайм-аут, объединились, забыв про ненависть, территориальные претензии и вековые обиды. Потянулись с разных сторон караваны с материалами и бригады рабочих, в основном из людей, в основном из гастербайтеров. Выросли на острове безопасности красивые корпуса, учебные классы, столовая и полигоны. Правда, тогда негласного правила насчет людей, выполнявших работу, еще не существовало, поскольку речь шла о детях, рисковать не стали, мужиков из бывших союзных солнечных республик больше никто не видел.

Я прочла о земле детей все, что могла найти, узнала все, что могла узнать. Поговорила со всеми из нашего Юкова, кто был там хоть раз и не брезговал отвечать на вопросы человека. Современная *filii de terra* — это школа. Здесь постоянно проживало более сотни учителей и обслуживающего персонала. Число учеников варьировалось, то чуть больше, то чуть меньше пятисот. Немного на всю нашу тили-мили-тряндию, дети у местных рождаются не так часто, выживают не все и не всех посылают учиться. Обучение еще с прошлого века по внешнему кругу стало платным. Своей валюты местные не имели, но охотно пользовались любыми человеческими или драгоценными металлами, кроме серебра, камнями и даже

нагурой, в смысле услугами. Если ты владел редким и полезным навыком, даром, заклинанием или был мастером своего дела, то мог отработать обучение своего чада.

Многие ушлые родители отправляли своих отпрысков в *filii de terra* без оплаты, ведь убежищу нет дела до человеческих условностей, и оно всегда примет ребенка. Но и из этого умудрились извлечь выгоду, таких «бюджетников» не прогоняли, а пристраивали помогать по хозяйству, дабы отработать свое содержание. Учить учили, конечно, но мало и часто в ущерб основной, оплаченной группе. Классовое неравенство во всей красе. Получить такое урезанное образование для многих было единственным шансом «выйти в люди». Не всех детей можно было пристроить в человеческие школы, кто-то не мог себя контролировать, кто-то не очень походил на человека внешне, а кому-то нужны были совсем другие науки, нежели математика и литература. Пусть эти предметы тоже входили в список преподаваемых в *filii de terra*, наследник рода должен уметь не только разорвать горло врагу и организовать оборону стежки, но и читать, считать, знать историю своего рода и ориентироваться по звездам. В общем, земля детей — лучшее учебное заведение в нашей тили-мили-трындии, потому что единственное.

Я подошла к первому корпусу с торца. Время приближалось к полудню. Надо найти какой-нибудь административный корпус. Жаль, вывесок на домиках нет. Что-то подсказывает мне, что заглядывать во все двери подряд — плохая идея.

Я миновала домик, когда впервые услышала детские голоса, доносившиеся с другой стороны корпуса. Из-за дальнего угла постройки вышел ребенок. Он был один и явно не из той компании, что так заразительно смеялась. Мы увидели друг друга одновременно, так же одновременно остановились. Мальчишка. Одетый в потасканные кроссовки, темно-зеленый свитер и серые джинсы. Смотрелось скорее бедно, чем небрежно. На вид ему лет девять-десять, в руках держит железный ковшик с крышкой. Русоволосый и кареглазый парнишка минуту пристально рассматривал меня, а потом попятился. Ковш полетел на траву, крышка откатилась в сторону и какое-то неаппетитное серое варево вывалилось. Парнишка развернулся и побежал обратно. Что-то было не так и, скорей всего, со мной, возможно, я нарушила одно из неписаных, но незыблемых правил. Значит, общение с другими детьми откладывается.

За последним третьим в ряду домиком было несколько метров свободного пространства, с центром в странном вытоптанном пятачке земли диаметром метров двадцать. Залить такой асфальтом, и можно линейки проводить, очень уж мне напоминает пионерский лагерь времен моей юности. Но вряд ли я угадала, ни флаштока, ни трибуны, ни каменных статуй, просто земля, на которой ничего не растет. Дальше снова шли корпуса, сразу видно постройку другого времени. Деревянные срубы на первых этажах и наборные на втором. Забор с калиткой, за которым шли более новые кирпичные постройки. Через открытую калитку как раз шла целая компания детей на вид постарше, чем первый встреченный пугливый мальчишка.

Справа от пустого земляного круга я заметила чашу питьевого фонтанчика, еще одно напоминание о детстве. Я подошла и отвернула кран, струя воды тут же устремилась в небо метров на пять. Я и забыла, что надо регулировать напор. Настроение необъяснимым образом улучшилось. Вода была холодной, чистой, с легким сладковатым привкусом детства. Я напилась и наполнила бутылку. Хотела еще и умыться, когда меня грубо прервали. Кто-то подошедший сзади схватил за руку и оттащил обратно за крайний корпус. Надо сказать, проделано мастерски, быстро, сильно, я успела издать испуганный вскрик.

Любой из детей здесь сильнее меня, что уж говорить об учителях. Вернее, я предполагала, что стоящий напротив мужчина — наставник, а не повар. Одежда — свитер, брюки со стрелками, полуспортивные ботинки. Спокойный взгляд, не выдававший не то что раздражения, а вообще эмоций. Я вырвала руку, вернее, он предусмотрительно разжал пальцы.

— Здравствуйте, — сказал незнакомец.

Я кивнула, пусть невежливо, зато ни к чему не обязывает.

— Могу я узнать, что вы тут делаете? — Сдержанно-учтивый тон, позаимствованный из старых фильмов, светлые длинные волосы, глаза цвета грозового неба, поза с высоко вскинутой головой кричали: сноб.

Теперь я понимаю, почему того, кто собирается соврать, выдают бегающие глаза. Я не знала, что сказать, стала оглядываться, надеясь найти ответ. Группа детей уже поравнялась с двухэтажным домиком, у которого сруб порос мхом и нуждался в ошкуривании. Уже слышны отголоски разговоров, пусть ничего толком и не разобрать. Незнакомец не шевелился, все так же ожидая ответа, ни жестом, ни взглядом не показывая нетерпения. Часть ребят скрылась в корпусе. Я бы, наверное, пару минут еще поломалась и в итоге выложила бы все, как есть. Одна из девочек тем временем присела и стала завязывать шнурок, другая, скорей всего, подруга, что-то сказала, засмеялась и сдернула с первой капюшон кофты.

По ощущениям это походило на удар под дых. Окружающее стало абсолютно неважным, фоном: и дома, и трава, и смеющиеся дети, и незнакомец, стоящий в двух шагах.

Капюшон соскользнул с льняных волос, заплетенных в длинную косу. Девочка улыбнулась, отвечая на шутку подруги, встала, покачала головой и повернулась к стоящим чуть дальше ребятам, пара из которых на людей походила лишь издали. Мне необязательно было видеть ее лицо. Я знала его лучше собственного. Высокий лоб, курносый нос, глаза, меняющие цвет, то льдисто-голубые, то серые, то светло-зеленые, острый подбородок, полные губы, изогнутые в лукавой улыбке.

Алиска. Моя Алиска. Я вижу тебя. Три года! Три чертовых года по внутреннему кругу меня не пускали к ней. Святые! Плевать на все! Сейчас я хочу одного: подойти, обнять, вдохнуть неповторимый и родной запах, поцеловать. Святые... Все что угодно, за одно объятие и поцелуй.

Я не заметила, как сделала пару шагов к веселящимся ученикам, не замечала влаги, текущей по щекам, не видела, как дрожали руки.

А после всех слез и объятий, над которыми еще долго будут потешаться ее друзья, пусть, подростки не могут иначе, после первой радости, она расскажет мне все-все. Быстро, глотая слова, перескакивая с одного на другое, и то и дело возвращаясь к началу, как она это делает всегда, когда волнуется. Я пообещаю, что больше никуда не уйду, не могу сделать этого, если потребуется, я здесь выгребные ямы чистить устроюсь, но никуда не уйду.

— Ольга. — Кто-то схватил меня за руку, и я раздраженно дернула плечом, но вырваться не получилось. Меня развернули вокруг своей оси и снова заставили смотреть на незнакомца-аристократа. Я рыкнула и отвернулась, не хочу ни на секунду отрывать взгляд от дочери. — Послушайте, Ольга, — заговорил учитель, и я даже не удивляюсь его осведомленности, не до подобных мелочей, — посмотри же на меня, — рявкнул в конце концов он, выпадая из невозмутимого образа, и сделал что-то с моей рукой. Что-то очень неприятное, как удар током, до самых костей, только вместо электричества сквозь тело прошел холод. Больно, но боль можно терпеть. Ледяной разряд перевернул все внутри и



оставил ощущение неправильности. Я с присвистом выдохнула. На запястье, которое держали тонкие, явно не знавшие работы пальцы, вверх до самого локтя разбежались беловатые узоры. Подобные мороз рисует на стеклах зимой. Глаза незнакомца утратили сумрачную глубину и посветлели почти до белого.

— Ольга, худшего времени для визита не придумать. Сейчас здесь не меньше десяти воспитанников, созревших для первой охоты. — Он пошевелил пальцами, и мне показалось, что кожа закрипела и сейчас лопнет. — А ты добыча. Ты выглядишь как добыча, ходишь как добыча, пахнешь как добыча.

Я закусила губу, чтобы сдержать стон, и попыталась выдернуть руку.

— Слушай, — повысил голос мужчина, — всех мне не удержать. У них инстинкты, а не разум на первом месте, — он в последний раз сжал мое запястье и отпустил. — Иди. Тебя разорвут на ее глазах. А может, и ее вместе с тобой, когда дочь попытается защитить мать, а она попытается. Но даже если нет, Алиса вырастет с чувством вины, ненавидя то, во что она превращается, ненавидя свое будущее.

Я закрыла лицо руками, но не двинулась с места, словно на этот раз он заколдовал мне ноги, заморозил своими словами.

— Уходи. Сейчас. Быстро, и я успею сбить их со следа, — он обошел меня и встал, заслоняя учеников, хотя они по-прежнему весело болтали, не обращая на нас внимания.

Алиска стояла между подругой и парнем с темным лицом, черными острыми рожками, застенчиво выглядывающими из лохматой шевелюры, и руками, покрытыми бурой шерстью. А я все смотрела на ее профиль, впитывая в себя улыбку, смеющиеся глаза, до боли родной жест, которым она перекинула косу с плеча за спину. Она выросла, с болью отметала я. Выросла без меня.

— Ольга, — позвал мужчина.

Я посмотрела прямо на него и четко, чтобы запомнил, произнесла:

— НЕНАВИЖУ.

Отвернулась и побежала. Быстро, как он и говорил, потому что боялась не его воспитанников, а передумать. Слезы застилали глаза, между вдохами прорывалось что-то больше похожее на рыдания. У крайнего дома с черепичной крышей обернулась. Ни аристократа, ни детей уже не было видно. Зато у ближайшего угла стоял первый встреченный мной здесь мальчишка. Стоял и смотрел испуганными круглыми глазами.

Я пошла по стежке, уводившей меня все дальше от самого дорогого, возвращавшей к прежней жизни, а я все не могла остановить слезы.

Переход из мира в мир, как кувырок через голову, вроде ничего сложного, но можно запросто свернуть шею. Вдвойне страшен, когда сил уже почти не осталось, и втройне, если ты не видишь особого смысла идти дальше.

Я стояла посреди тумана на четвереньках. Внутри бултыхалась та самая чистая вода из питьевого фонтанчика. Гул в голове усилился. Будто где-то в мозгах протянули высоковольтную линию. Раздражающий звук, застывший на одной ноте. Не больно, но сводит с ума. Отмахнуться не получалось. Сейчас меня не волновали ни возможные преследователи, ни глаза нечто, смотрящего из тумана. Ни паники, ни страха, ни желания спрятаться или убежать. Скорее наоборот.

Тело предало меня шагов через пятнадцать после погружения в туман перехода. В виски ввинтилось низкое гудение, от которого завибрировали внутренности. Желудок свело болью,

ноги подогнулись. Несмотря на поганость ситуации, мне стало смешно, я полагала, что буду покрепче. Я ошибалась, и не только в этом. Вместо страха пришло отчаяние. Зачем я все время сражаюсь? С собой? С миром? С обоими мирами? Для чего, если цель недостижима? Я никогда не смогу быть с дочерью, вернуться в ее жизнь, стать ее частью. Кто-то провел между нами жирную черту, будто карандашом провезли по бумаге, называемой нашей жизнью, оставляя за собой рыхлый след, проведешь пальцем и размажешь по странице, испачкав руки. Но черта никуда не денется, как ни три.

Алиса будет хищником, это истина, не требующая доказательств. Я — добыча, и это не изменить никакими трепыханиями. Мы не в мультике и не в фантастическом фильме. Пантера или лев не станут вегетарианцами. Мы те, кто мы есть.

Я оттолкнулась ладонями от земли и села. Рюкзак болтался за спиной, но снимать было лень, поэтому я легла на бок, подтянув колени к животу, свернулась калачиком. Осознавать, что твой путь закончен, было приятно. Даже если незнакомец из *fili de terra* не преувеличил опасность или, чего доброго, не соврал, в одном он прав на все сто процентов. Я ее слабое место. Я тот человек, через которого ее можно достать. У нее будут враги, будут кровники и буду я, слабая и незащищенная. И однажды мы проиграем.

Я закрыла глаза, если бы не навязчивый гул, можно было бы поспать. Интересно, что станет с человеком, который отказался выходить с перехода, но со стежки не сошел? Я о таких не слышала. Буду первой, заодно и узнаю. Вот только это гудение, у меня от него скоро башка лопнет. Я пошевелилась, от каждого движения звук в голове лишь усиливался. Похоже, я выбрала не самый удобный способ расстаться с жизнью. Но и на это почему-то тоже было наплевать.

Времени на переходе не существует, не существует его и когда лежишь на нем. Могло пройти как десять, так и сорок минут, а может, и больше или меньше. Туман гасил любые звуки, кроме гула. Поэтому то, что меня рывком поставили на ноги, а потом закинули на плечо, стало неожиданностью. Сначала я решила, что у меня начался бред. «Наконец-то», — подумала я и хихикнула. Меня подкинули, и чья-то рука или лапа по-хозяйски похлопала по попе. Это внесло дисгармонию в возвышенные мысли о самопожертвовании и пришлось открывать глаза. Земля покачивалась вниз. Ноги в джинсах и армейских ботинках ритмично отмеряли дорогу. Меня вырвало слизью вперемешку с желчью. Откуда-то сверху послышались ругательства, детально расписывающие мои сексуальные предпочтения и предпочтения моих предков. Меня встряхнули, вызвав очередной спазм. То ли от этого, то ли от удара в глазах заплескали цветные пятна, а без того зыбкая реальность стала расплываться, как масляное пятно на воде, то в одну сторону, то в другую.

Следующим четким ощущением стал удар, ненадолго прояснивший сознание. Меня бросили на землю, тумана больше не было, а в лицо светило полуденное солнце, которое на мгновение загородила мужская фигура в ярко-оранжевом жилете с черной надписью, лицо по-прежнему скрывал козырек кепки. На этом сознание покинуло меня вторично. Правда, поклясться, что оно возвращалось, я бы не смогла. Может, это продолжение бреда, и я все еще лежу в тумане перехода и безумия гула. Кстати, а где он?

Оглядываясь назад, могу сказать, что это было самым кошмарным пробуждением за мою не очень длинную и не очень толковую жизнь. Болела каждая клеточка тела, каждая мышца кричала и молила о пощаде. Сказался мой двадцатикилометровый поход по пересеченной местности. Во рту был гадостный привкус, а горло горело, будто по нему возили наждаком. Голова раскалывается, как после особо веселой алкогольной ночи, чего со мной не

происходило со времен студенчества.

Наверное, если бы мне дали поспать, мир мог показаться довольно сносным местом для жизни. Но на лицо мне снова полилась вода, и поняла, что кто-то настойчиво добивается моего внимания.

— Сизый, глянь, какая краля? — Низкий прокуренный голос раздался откуда-то сбоку, и я повернула голову на звук. Обладателем несравненного тенора оказался невысокий бритоголовый мужик с темной щетиной и щербатой улыбкой, украшенной золотым зубом. — Слышь, шмара, ты ж не против. — Он ухватил меня за грудь прямо сквозь ветровку.

Конечно, соображала я не очень, но такое кого угодно приведет в чувство. Сперва я лишь слегка дернулась, от усилий мышцы взвыли.

— Не кипиши, не обижу, — деловито приговаривал золотозубый, а руки тем временем шарили по телу.

Вот тут-то меня торкнуло по-настоящему. Святые! Не для того я три года по внутреннему времени выживала бок о бок с разными тварями, ежеминутно доказывая, что человек достоин жить, чтобы в итоге мной попользовался какой-то debil с золотым зубом.

Со второй попытки мне удалось сесть, но бритый толкнул меня обратно и стал судорожно возиться с застёжкой моих джинсов. Он очень торопился, и поэтому ничего не получалось. Я схватилась за штаны, но не затем, чтобы помешать ему, вернее, не только за этим. Я молилась, чтобы маленький серебряный ножик был на месте, а не вывалился во время блуждания по стежкам. Возможно, молитва была услышана, или мне повезло, но маленький столовый прибор все еще лежал в заднем кармане. Уроду надоело возиться, и он с силой дернул за пояс, ткань затрещала, я выгнулась, стараясь сбросить его руки.

— Зуб, ты че здесь балду гоняешь? — донеслось откуда-то из-за спины.

Призрачное везение закончилось. Справиться с одним шансы были, пусть и весьма условные. С двоими — без вариантов. Вопреки еще недавно накатывавшему равнодушию и жалости к себе, сейчас мне очень хотелось бороться. Мне было необходимо бороться.

— Секи, какую красючку надыбал. Бля бду, если не пропахаю.

— Спортсмен бухтит...

— Не пастух, побухтит — охолонется, — огрызнулся Зуб, когда я особенно сильно дернулась. — Пришиливайся.

К разговору я не прислушивалась, и так ясно, к чему все катится. Лезвие было скрыто рукой, которую я немного отвела в сторону, чтобы была возможность для замаха. А когда шаги стали приближаться, ударила с низкого положения. Неудачно. Мышцы болели и резкого удара не вышло, золотозубый успел убрать руки.

— Курва, — рявкнул бритый. — Вяжи грабли, Сизый.

Я не стала дожидаться расплаты и пнула золотозубого ногами. Метила в голову, попала в плечо. Больно, но эффект не тот. Второй уже был рядом и схватил за руку, правда, не за ту, в которой был нож, чем я тут же и воспользовалась, полоснув его по тыльной стороне ладони. В этот раз лучше, на коже сизого от татуировок мужика выступила кровь. Он был выше Зуба как минимум на голову и шире раза в полтора, если сожмет, все кости переломает. На этом мое героическое сопротивление было подавлено. Много ли навоюешь столовым ножом, если твой опыт поножовщины стремится к нулю? Рассчитывать на «иные» свойства серебра в драке с людьми не приходилось. Бугай зашипел и ударил по руке, выбивая ножик, который тут же скрылся в траве. Я вскрикнула и стала выворачиваться, вернее, постаралась вскочить, успела перевернуться, когда Зуб дернул меня за ноги, а второй навалился сверху, прижимая

лицом к земле.

Самым сильным чувством в этот момент стала обида, на мир, на обстоятельства, на себя. Как мало сопротивления я способна оказать? Самое время заплакать. Но слез не было. Наверное, вчера израсходовала весь лимит.

— Зуб, Сизый, че за бодяга? Не захиляем до огней, нам вилы. Мусора с подружками примут, как родных. По вертухаям соскучились? — справа из-за дальних кустов вышли две пары ног. Вернее, только их я и видела, так как голову по-прежнему вжимали в землю.

Появление новых персонажей не обрадовало никого: ни меня, ни держащих меня мужиков.

— Спортсмен, Гвоздь, — в голосе золотозубого послышались заискивающие нотки, — все в ажуре. Пара минут в расслабон и похиляем?

Решение новоприбывших мы ждали, затаив дыхание, правда, надеялись на разное. Хотя мне в любом случае ничего хорошего ждать не приходилось, ведь не отпустят же они меня с извинениями, право слово.

— Спортсмен, минута, я за близких отвечаю, — принял решение Гвоздь, я дернулась. — Братва запылит, все битые оборвем.

Зуб дернул меня за штаны, пуговица не выдержала. Сизый провел руками по спине.

— У тебя кровь? — спросил новый голос, от которого у меня по темечку побежали мурашки. Теперь я знала, кто такой Спортсмен, и как бы эти двое не оказались «меньшим злом». С него станется снять «расслабон» зэков на телефон, а потом выложить на портале в нашей тили-мили-трядии, хотя, наверное, все-таки слишком для него и бесцельно, а он не любит бессмысленных телодвижений.

Я предприняла еще одну отчаянную попытку вырваться. Задергалась с удвоенной силой, задрогала ногами, хоть слез по-прежнему не было, завывать в голос мне это не помешало. В первую секунду Сизый даже ослабил хватку, наверное, от неожиданности, но тут же навалился обратно. Урод!

— У тебя кровь, — уже не спрашивал, а констатировал факт Спортсмен.

На этот раз голос был ближе, и в нем отчетливо слышались рычащие интонации. В нашей тили-мили-трядии это означало одно — хищник учуял добычу. Я выдохнула и замерла, молясь про себя, чтобы не ошибиться. Если они сцепятся, у меня появится шанс.

— Бикса перышком приласкала, — Сизый говорил лениво, всецело сосредоточившись на мне, благо я прекратила брыкаться. — Верну с троицей, — он запустил пятерню в волосы, сжал и рывком приподнял мне голову. Черт! Больно!

А потом лизнул в шею. Святые, Высшие и Низшие, лучше б ударил! Словами не передать, словно в дерьмо с головой окунули. Зуб не отставал, он уже сдернул джинсы до колен и жадно гладил ягодицы прямо сквозь трусы. Повторяться не буду, гадливое чувство росло в геометрической прогрессии.

Не ошибиться бы, и Спортсмен был тем, за кого я его принимаю. Видеть я не могла и ориентировалась по голосу. Ну, давай, уже! — мысленно взмолилась я. Перестав сопротивляться, я слишком много им уступила. Еще немного, и никакие призрачные шансы уже не понадобятся. Шутка как раз в его стиле.

Так совпало, что именно в этот момент он напал, хотя громко сказано. Спортсмен пнул Сизого в голову, от чего того смело с меня, как пушинку.

— Тогда ты бесполезен, — буднично сказал он.

— Че за беспредел?

— Урою падлу!

Гвоздь и Зуб закричали одновременно. Я почувствовала, что мои ноги свободны. Мышцы напоминали негнущиеся деревяшки, но я смогла откатиться в сторону. Перевернулась и первым делом натянула штаны обратно, пуговица на поясе отсутствовала, благо джинсы достаточно узкие, не свалятся и так. Вскочила на ноги с некоторой заминкой и тут же поняла, что поторопилась, так как голова сразу поплыла. Со стороны я, наверное, больше всего походила на паралитика, и ни о каком побеге не могло быть и речи, но это не значит, что я не пыталась.

Суровым критикам в лице новых знакомых было не до меня.

— Сука, — емко охарактеризовал противника Сизый, поднимаясь, теперь кровь текла и из раны на голове. — Ша, братва. Тяжеловес мой, — в его руках мелькнула тонкая полоска стали. — Ну, держись, чепушило.

Я отступила на два шага, не сводя взгляда с противников. Если Тём и заметил нож, то никак не отреагировал. Для чего-то ему понадобились эти уголовники, а когда охотнику что-то надо, он это получает, даже если придется притворяться человеком. Но сейчас он вернулся, охотник-ветер во всей красе, вряд ли зэки пошли бы с ним куда бы то ни было, одно неподвижное лицо чего стоит. Зуб с Гвоздем были понаблюдательнее, или им не застилала разум ярость, как Сизому. Они переглянулись и неторопливо сместились к кустам на краю прогалины, это несмотря на то, что у Зуба в пальцах тоже плясала тонкая полоска остро заточенного металла.

Я бы хотела быть подальше отсюда, но тело в очередной раз выразило протест и привалилось к ближайшему стволу. Я обхватила дерево рукой, с трудом сохраняя вертикальное положение.

Сизый оскалился, демонстративно поигрывая ножичком, и стал пружинистой походкой приближаться к тому, кого знал как Спортсмена. Зэк был настроен на драку. Вернее, на «драчку», которая наглядно покажет, кто чего стоит, и он, тут без вариантов, преподаст наглядный урок этому «чепушиле».

Урок был зрелищным, правда, не таким, как рассчитывали, но двое его точно усвоили. Тём стоял неподвижно, пока Сизый не приблизился и с громким «ххаа» выбросил руку для удара. Движения ветра быстры и точны, уловить их человеку сложно, а если уловит, потребуется время, чтобы убедить себя в правдивости происходящего. Тём слегка качнулся в сторону, на лице Сизого на мгновение вспыхивает предвкушение победы и тут же гаснет. Навсегда. В руках у охотника нож не чета тонкому лезвию зэка, им ветер перечеркнул противника одним взмахом. От плеча до паха, не человека разрубил, а паутину смахнул, настолько легким и небрежным было его движение. Секунду назад был человек, а сейчас две половины. Две мертвые половины. Фонтан крови, и клубок остро пахнувших кишок с противным хлюпаньем падает на землю. Все, что осталось от романтика с большой дороги. Его, по их собственному утверждению, «близкие» исчезли в кустах, едва тело коснулось земли. Ни пафосных криков, ни клятв отомстить. Когда дело идет о спасении собственной шкуры, зэки соображают не хуже других. Топот ног, раскачивающиеся ветви, и больше ничего не напоминает о том, что на поляне нас было больше. Они еще не знают — бежать бесполезно, охотник-ветер в лесу поймает даже лешака, не говоря уж о человеке.

Некоторое время я не могла отвести взгляд от останков человека. Впервые на моей памяти не было ни жалости, ни сожаления, ни неприятия. Я даже успела поймать себя на чувстве удовлетворения. Я рада, что Тём его убил. И стало страшно от самой себя, от мыслей,

которые я постаралась затолкать в самый дальний уголок.

Снова вместо картинки в голове лишь расплывчатые цветные пятна, и я стала сползать по стволу вниз. Казалось, моргнула, и в лицо уже заглядывает Тём, а я даже дернуться не могу. Рубашка и армейские брюки залиты кровью, но на открытых участках ни капельки — ни на лице, ни на руках. Знала я о такой особенности кожи охотников впитывать кровь, но видела впервые.

— Сорвешь охоту, пожалеешь, что не убежала с ними, — тон разительно отличался от равнодушного лица.

— Охоту? — переспросила я.

Он был слишком близко, по идее, я уже должна дрожать и отползать назад. Но с удивлением поняла: прежний иррациональный ужас исчез, оставив после себя некоторые опасения. Я знаю, кто он и на что способен. Почему нет ненависти? Да потому, что глупо ненавидеть волка за то, что он задрал зайца. Что-то во мне сдвинулось сегодня. Ага, крыша поехала, иначе не пялилась бы на него, не выслушивала бы угрозы, а бежала бы без оглядки, и быстро. И он, конечно, это почувствовал, эту перемену. Его ноздри раздулись, втягивая мой запах. Хищник на охоте. Зачем ему эти отбросы общества, даже в качестве добычи? И тут я поняла, увидела ситуацию целиком.

— Ты устраиваешь охоту, — я зажмурилась, пытаюсь не упустить мысль и поражаясь ее простоте, — загоняешь дичь. Ученики *filii de terra* созрели для своей первой охоты. Сбежавшие из колонии заключенные — добыча, — я указала на то, что осталось от Сизого, — а заблудившиеся грибники?

— Этих ведет Ларик из Бесова, — усмехнулся ветер, открывая острые клыки, впервые в его глазах я уловила что-то похожее на интерес.

— Дети не пропадали. Они ушли охотиться, — прошептала я.

— Из *filii de terra* ничего не пропадает. Иначе это не было бы убежищем. Ученикам самостоятельно не выйти, только в сопровождении взрослого, — Тём сощурился, — вернее, способ есть, но еще наши предки постарались оставить его в памяти лишь узкого круга, ученики в него не входят.

— Почему тогда объявили о пропаже?

— Мне плевать. — Он действительно плюнул в сторону. — Ты бы подумала, кто твою Алису летом на охоту отпустит? Она же зимняя?

Я не ответила. Разлука с дочерью, отдаленная последними событиями, вновь резанула ножом по живому. Из горла вырвался стон. Тём с интересом принялся. Боль ему тоже нравилась.

— У тебя время до темноты. До того, как сядет солнце, ты должна уйти в переход. — Охотник достал платок и стал вытирать нож. — Если кто-то из щенков возьмет твой след... — Он замолчал, но продолжения мне и не требовалось, о том же говорил незнакомец-аристократ, спасти меня никто не будет. — Здесь устроим ложную цель, — сказал уже в сторону Тём.

Я проследила его взгляд и с удивлением увидела преследователя в ярком жилете, кепка на этот раз была заткнута за пояс. Сосед Веник не сводил с трупа зачарованного взгляда. В руках он держал мой рюкзак. Охотник рывком поставил меня на ноги, оттащил от березы, забрал у не заметившего этого падальщика рюкзак, протянул мне и рывкнул:

— Пошла, быстро!

И я пошла. Насчет быстроты сомневаюсь, но двигаться я себя заставила. На краю

поляны оглянулась. Тёма на ней уже не было, зато Веник стоял над останками Сизого на коленях и, как нежный любовник, поглаживал тело по ноге — не та картина, которую я хотела бы сохранить в памяти.

Осознанно я шла, наверное, около получаса. Потом стала отключаться, впадать в какой-то странный болезненный транс. Тело двигалось без участия головы. Я не выбирала направление, шла по наитию, воспоминание, как менялся пейзаж, остались расплывчатые. Я шла медленно, монотонно и очень больно. Наверное, чтобы защититься от этой боли, мозг и стал отключаться. Конечно, двадцать километров я не осилила, свалилась часа через три. Если кто и встал на мой след, то решил не связываться с больной добычей, боясь заразиться. Спала плохо, но долго — остаток дня и всю ночь. Снилось черт-те что. И даже холод и боль не смогли разорвать пелену полусна-полубреда.

Глаза удалось открыть поздним утром следующего дня, когда солнце было высоко над головой. Я дотянулась до бутылки с водой и смягчила горевшее огнем горло и даже достала одеяло, просидев завернутой в него пару часов. Меня била крупная дрожь. Ночь на голой земле не прошла даром.

Впоследствии задавалась вопросом, по силам ли мне был еще один переход? И честно отвечала — нет. Я бы и из прошлого не выбралась, если бы не Веник с его внезапным приступом человеколюбия, хотя с чего бы это?

Ближе к обеду я все-таки встала и побрела вперед прямо с одеялом на плечах, будто охотник заложил в тело программу идти и все. Слава святым, перед переходом меня уже ждали. Помню, как почти упала на руки Пашке, и она уложила меня на заднее сиденье старенького военного уазика. Позднее я гадала, кто на нашей стежке ездит на таком, но так и не узнала. Водителя видела лишь мельком, вроде мужчина, вроде с русыми волосами. Как меня привезли домой, не помню. Следующим отчетливым воспоминанием был староста, всматривающийся в мое лицо и что-то спрашивающий. Но я не слышу ни слова. Размытые силуэты проступают пятнами, иногда вспыхивая и поражая четкостью линий, иногда тускнея и отдаляясь. Затем я вижу Константина, стоящего возле кровати, совсем рядом, и смешивающим жидкости в стакане. Я стараюсь отползти от черного целителя подальше. Меня хватают и возвращают на место, держат за руки и за ноги, пытаются разжать зубы и влить его снадобье. Я сопротивляюсь, но они побеждают, и в горло вливается тягучая холодная жижа. Я пытаюсь кричать, но не могу, так как проваливаюсь в темный колодец. Одно хорошо — поле этого цветные пятна оставили меня в покое.

В первый момент я не поняла, что проснулась. Хорошо. Тепло. Ни боли, ни головокружения. Лишь монотонный успокаивающий шорох, сладкой россыпью шепчущий на ухо: «Спать, спать, спать...» И тем не менее спать больше не хотелось. Тело было отдохнувшим и немного онемевшим после долгого лежания в одном и том же положении.

Я смотрела на стену, оклеенную цветными фотографиями из туристических каталогов. Помню, как я в первый раз увидела нереально белый песок, бирюзовую воду, пальмы, яхты, утопающие в зелени отели. Раньше я никогда не видела ничего столь красивого. Яркие картинки заморозили меня, как ребенка. Я ходила по туристическим агентствам, делала вид, что слушаю нахваливающих путевки красивых и загорелых молодых людей, и всегда брала брошюрки, журналы, постеры. Уходила домой и тем же вечером украшала стену своей спальни еще одним нереальным кусочком мира. Это было первым, что я видела, когда просыпалась. Мне и в голову не приходило поехать туда, на солнечные пляжи. Не знаю уж

почему, может, я любила мечтать, а не осуществлять мечты.

Я была дома, в своей спальне, в своей кровати. Последние события слились в беспорядочную чехарду лиц и голосов, которые я могла видеть на самом деле, или придумать, как часть лихорадочных снов. Частично это подтверждалось тем, что сейчас рядом со мной никого не было. Я проснулась одна в своем доме и, что не могло не радовать, чувствовала себя превосходно. За окном умиротворяюще шуршал дождь, выбивая дробь, ударяя маленькими капельками о жестяной подоконник. Очередной летний дождик, после которого окрестные леса наводняются грибниками. Грибники?.. Что-то всплывало в связи с этим словом, что-то тревожное. Воспоминания проступали сквозь мысли, как изображение на старой фотопленке. Постепенно. Сначала контуры — события, потом полутона — эмоции, и яркость завершающих штрихов, и наполнение цветом, итоги моего похода на землю детей. Глупого и бесполезного.

Нет. Неправда! Я видела свою Алису, а это окупало все сторицей. Раньше я думала, что за один взгляд, брошенный украдкой, готова отдать все что угодно. Я и сейчас готова, но теперь знаю — этого мало. Я хочу не только видеть ее. Я хочу свою дочь назад. Не знаю, возможно ли такое в принципе, скорее всего, нет, но со своими желаниями я определилась.

Я приподнялась на локте. Раскрытый рюкзак стоял прислоненным к шкафу. Одежда сползла, на нем была старая выцветшая футболка Кирилла и шерстяные носки ручной вязки. Кто додумался достать с антресолей этих динозавров воспоминаний? Поднималась я с опаской, но ни головокружения, ни слабости. Ярко-розовый плюшевый спортивный костюм, извлеченный из шкафа, вполне годился на замену футболке, которую я тут же запихала в самый дальний угол самой верхней полки. Есть воспоминания, с которыми я пока не готова встретиться. Розовое «нечто» было моей самой первой покупкой в новом мире. Я не могла поверить, что на свете существуют такие ярко-кислотные цвета, и чувствовала себя обязанной купить его, хотя бы как доказательство. Надевала всего пару раз, вызывая у местных смешки. Но на сегодня сойдет.

В доме стояла тишина. Пустая гостиная. С чего же мне не по себе? Никого и ничего. Что царапает глаз? Вдоль стен — полки с книгами. Диван напротив панели телевизора. Кухонный уголок. Чайник на плите. Я подошла и потрогала выпуклый бок. Холодный, но доверху наполненный водой. Я зажгла газ. Синее пламя резво разбежалось по кругу и уперлось в широкое железное дно. Стулья. Обеденный стол, используемый мной как рабочий, с выключенным компьютером. Монитор стоит чуть-чуть не там, где я привыкла его видеть. Я приблизилась, чувствуя, как холодок дурного предчувствия извивается вдоль позвоночника. Это не монитор сдвинут, весь стол целиком, немного, сантиметров на тридцать, но все-таки.

Сразу вспомнилось как Пашка тащит его обратно на ковер, и ножки мягко скребут сначала по полу, а потом звук приглушается. Вот она! Явидь вернула стол на половик, а сейчас он стоит чуть с краю, и ковер лежит не так. Пол деревянный, на манер прошлых лет набран из широких и длинных досок, а не из популярного ламината. Половик, прямоугольник с симметричным рисунком, служит одной цели — прикрывать люк в подвал. Именно прикрывать, чтобы не бросался в глаза, а не прятать. Ковер всегда лежал вдоль направления досок. Пашка, конечно, могла его сбить, но не развернуть на сто восемьдесят градусов. Вывод — в доме кто-то был, пока я гуляла по стежкам. И не просто внутри, а в подвале. Тем, кто меня лечил, если, конечно, мне все-таки не приснилось, а уверенности до сих пор не было, внизу делать нечего, да и не стали бы они на глазах друг у друга тут рыскать, вот если б



по-тихому и в одиночестве, это запросто.

Я понимала, что ко мне могут наведаться, но понимать и знать — разные вещи. Все ухищрения в один момент показались глупыми, детскими и понятными любому, кто хоть раз спускался вниз.

Я кинулась к люку, отпихивая стол, не обращая внимания на то, как угрожающе закачался монитор. Половик в сторону, пальцы в кольцо, рывок на пределе сил, щелчок выключателя — и по темному нутру подвала разливается теплая желтизна. Ступени-перекладины приветствовали металлическим «донг — донг», каждый мой шаг. Я торопилась. Я убеждала себя, один взгляд — и все встанет на свои места, все будет хорошо, потому что по-другому быть не может. Не со мной. С кем-то другим — да, но не со мной.

Сейф на дальней стене был на месте. Я зажмурилась, выдохнула и развернулась к стеллажу. Маленькая пауза, маленькая слабость, как заминка пред прыжком в воду, и я поднимаю глаза. Минуту полной дезориентации, когда непонятно, что есть на самом деле, а что существует в воображении, контейнер стоял на полке, потому что я слишком этого хотела.

Действительность вторглась, разрушая видение. Ветошь валялась в стороне, шуба «под леопарда» свисала рукавами-макаронинами вниз. Ящика не было. Я схватила палку, которой всегда задвигала контейнер на место, и переворочила старые тряпки. Подумала и стала проверять соседние, в глубине души зная, что это бесполезно. Ничего. Еще раз подумала и проверила соседние полки, полки ниже и другие стеллажи. Я металась по подвалу, уже зная, что ящик никто не перепрятывал, да и зачем. Серебро пропало, и я не питала иллюзий насчет последствий, но смириться с таким концом было выше моих сил.

Я заставила себя остановиться и сесть на нижнюю перекладину лестницы. Потная, с пыльными пятнами на розовом бархате, безумным взглядом и колотящимся сердцем.

В дверь постучали, вернее, я предположила, что это стук, потому что ничем другим эти глухие удары быть не могли. Острое чувство дежавю прошло сквозь меня с головы до пят. Сейчас Пашка выломает засов и заглянет сюда. А ходила ли я в *filii de terra*? Или это плод больного воображения? Или баюн рассказал мне одну из своих баек? Или зелье Константина? Или я еще сплю?

Я ущипнула себя за руку, но ничего не изменилось. Контейнер пропал, стук не прекращался, и никто еще не вломился внутрь. Я поднялась наверх, оглядела гостиную. Ни открытый люк, ни скомканный ковер меня не волновали, прятать больше было нечего. Я пошла к двери, стук тут же стих, гости вежливо ждали, когда я открою. Еще одна невольная заминка перед новой дверью. Стальная коробка, внутренняя отделка деревом под цвет пола, два классических засова, сейчас открытых, и один врезной замок, по центру кругляшок, прикрытый темной накладкой. Новая, даже на вид дорогая дверь почти полностью гасила звуки. Я откинула крышку глазка и с опаской заглянула. На крыльце с сумкой через плечо стояла Пашка, глаза прикрыты черными очками. Над ней держал зонт Семеныч, одетый в стариковский ватник и резиновые сапоги. Я очень сожалела, что не могу притвориться, что никого нет дома, они слышали меня даже сквозь суперсовременную новую дверь.

Я повернула рукоять замка. Громкий щелчок, и тяжелая дверь мягко уходит в сторону. Несколько секунд мы трое смотрим друг на друга, пока ведьмак не закрывает зонт и похозяйски проходит в комнату. Что-то в жизни не меняется никогда.

Чайник с шумом закипел. Семеныч сел на диван, Пашка за стол. Про открытый подвал никто не сказал ни слова, подтверждая мои худшие опасения. Я выключила конфорку и сняла

с полки заварочный чайник. Простые действия не позволяли сорваться и банально разреваться.

— Такое больше не должно повториться, — откашлявшись, сказал ведьмак.

Я застыла с пачкой заварки в руках. Про себя я еще не решила, как буду выкручиваться, врать или все отрицать, изображая дурочку, слишком мало времени у меня было. Но то, что мне могут дать второй шанс, было событием из ряда вон выходящим и по определению невозможным в нашей тили-мили-тряндии. Владение смертельно опасным для местных оружием не простят, скорее уж не заметят владение ядерной бомбой.

— Ты должна понимать... — Семеныч выпрямился.

— Погоди, — перебила его Пашка, — давай лучше я.

Я переводила взгляд с одного на другого, тщетно стараясь подавить надежду.

— Тебя хотели убить, — дождавшись разрешающего кивка старосты, продолжила она.

Приехали. Мне даже не пришлось ничего изображать. Непонимание большими буквами было написано у меня на лице. Да меня каждый день кто-нибудь на прочность проверяет, и не всегда эти «проверки» носят безобидный характер. О чем мы вообще сейчас говорим? Не похоже, что о нарушении закона и не о пропавшем серебре. Надежда встрепенулась, еще сильнее овладевая моим сознанием. Может, еще не все потеряно.

— Смотри, три дня назад появляется сообщение о пропаже детей.

Я подняла брови, прошло уже три дня. Сколько же я спала?

— Ты срываешься со стежки в *fili de terra*. И именно во время подготовки неуравновешенных подростков к первой охоте.

— А если б не сорвалась? — Я все-таки достала заварку и стала насыпать в чайник.

— Нет, расчет был верен. — Явидь поправила черные очки и вдруг спросила: — Сколько у тебя денег?

— Э-ээ, — я даже оглянулась, — точно не знаю.

— Вот именно. Слухи о ненормальной, которая могла бы жить в любом уголке мира и ни в чем себе не отказывать, но вместо этого предпочла наш гадюшник, разошлись очень далеко. Ни для кого не секрет, что... кто держит тебя здесь. Ты бы пошла, без вариантов.

— Ну, вы могли бы рассказать мне о первой охоте, об опасности, о том, что дети никогда не пропадают из *fili de terra*. Вы могли меня остановить.

— Ты бы поверила? — Старик не скрывал иронии. — Ты веришь сухим строчкам анонима, но не соседу. Не веришь мне. Никому, кого знаешь. Препарируешь каждую фразу, каждый жест, каждый поступок, ищешь подтекст, двойное дно и находишь. Твои выводы всегда не в нашу пользу. Сколько детей учатся в *fili de terra*? Ни один родитель, кроме тебя, не сорвался с места. Ни один. Потому что они знают, когда можно верить, а когда плюнуть. Потому что земля детей безопасна. Запомни это, в конце концов. — Он стукнул кулаком по колену.

Я с удивлением посмотрела на старого ведьмака, в голосе которого слышалась обида.

— Хорошо, — согласилась я. — Надо у автора новости узнать, зачем он это сделал.

— Мы бы с удовольствием, — явидь щелкнула пальцами, — Визирга, с адреса которого была выложена новость, вчера нашли с вырванным горлом в Серой цитадели.

— Серая цитадель? — переспросила я.

Семеныч кивнул. Хорошего мало, Серая цитадель — резиденция Седого демона, хозяина нашего Юкова в частности и всех Северных пределов, в общем. «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»<sup>[4]</sup>, как писал классик.

— Все равно не понимаю. — Я помотала головой, словно хотела вытрясти засевшие там мысли. — Меня могли убить, могли и не убить, как собственно и получилось. Когда желают смерти, бьют наверняка, быстро и надежно. А тут — сложно, муторно и результат не гарантирован.

— И зачинщик по-прежнему неизвестен. — Явидь вскочила и стала расхаживать по комнате. — Он остался в тени. Нужна была «естественная» смерть, смерть, которая не вызовет вопросов. Это было важнее, чем результат. Он знает о готовности летних к охоте, знает об их нестабильном состоянии. О чем это говорит?

Я раскрыла рот и закрыла. Понятия не имею.

— О том, что этот некто занимает высокое положение и имеет доступ к информации, — ответил ведьмак.

— Правильно. — Пашка остановилась напротив меня. — Затем вроде бы пустяковая новость подается под правильным углом, и ты сама бежишь в пасть тигру. Вуаля, цель уничтожена, винить некого.

— Мог бы и не стараться. — Я со злостью поставила чайник на стол, выплеснув пару коричневых капель заварки. — Я бы на переходах без посторонней помощи загнулась.

— Это уж чисто твоя инициатива. — Подруга хихикнула. — Кто ж знал, что ты через Бесово попрешься да еще и на своих двоих.

— Что в этом такого? — Я стала расставлять чашки.

— Ничего, — буркнул старик. — Ты максимум сколько переходов в день совершала? Три? Четыре? И все на машине.

— Ну да. А что? — снова спросила я.

— А то. Магия и механизм плохо сосуществуют, знаешь же. Они гасят друг друга, что-то отключается в машине, но что-то и дает сбой в магии. Они компенсируют друг друга, уменьшая воздействие. Когда ты на своих двоих, даже частично экранировать магию нечему. Есть ты и переход.

— Его магия разрушительна. Стежка пробивает стены мира. Как думаешь, — явидь хитро прищурилась и села обратно за стол, — справится она со стенами твоего разума?

— То есть сама виновата?

— Да. Я бы больше чем на три в одиночку, без техники и без амулетов не отважился, — крикнул ведьмак и посмотрел на меня с жалостью, — в общем, дай мне слово, больше никаких авантур на моей стежке. Не порть мне статистику. Договорились?

Я с готовностью покивала, стараясь не смотреть на Семеныча. Врать нечисти бесполезно.

Старик с кряхтением поднялся, можно подумать, у него на самом деле что-то там болит или не гнется, прошел мимо стола с чашками, на пороге окинул нас хмурым взглядом.

— Демон с вами. — Он махнул рукой и вышел в дождь.

Не очень приятно получилось.

— Переживает, — прокомментировала Пашка.

Я села напротив и стала разливать чай, третья чашка осталась ненаполненной.

— Переживет, — ответила я.

— Ну да, — явидь посмотрела на спуск в подвал, — закрыла бы ты его, не ровен час сама свалишься.

Я посмотрела на девушку, сидящую напротив, — жаль, сквозь темные линзы очков ничего не разглядеть.

— Держи, — я напряглась, но она достала из объемной сумки всего лишь связку ключей, — выполняю обещание.

[Купить полную версию книги](#)

---

**notes**



Психарь — человекообразная нечисть, в основе магии которой лежит воздействие на сознание людей, животных, птиц, рыб — всех, кто имеет хоть зачатки мозга. Психари не в состоянии двигать предметы, заговаривать амулеты, видоизменять живую материю, как целители, их специализация — изменение разума, разовое или комплексное. Психари имеют несколько подвидов, к ним относятся баюны, исполнители желаний, потрошители и др.

Filii de terra (*лат.*) — земля детей.

Non sit tempus — (*лат.*) нет времени, вне времени.



Из комедии «Горе от ума» (1824) А. С. Грибоедова (1795–1829). Слова горничной Лизы (действ.1, явл. 2).